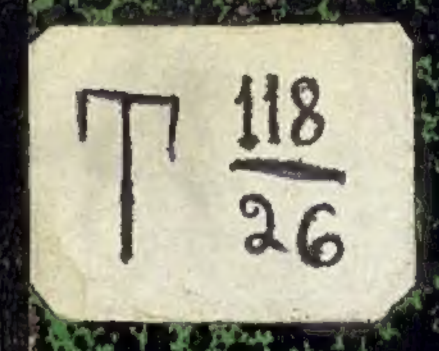

T 118/26

СПАСО-БОРОДИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

И

ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦА.

(Посвящается всѣмъ почитающимъ память Маргариты Михайловны Тучковой.)

Т. Толычовой.

Продается въ пользу Спасо-Бородинскаго монастыря.

МОСКВА.

—

1874.

2007080041

СПАСО-БОРОДИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

и

ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦА.

(Посвящается всѣмъ почитающимъ память Маргариты Михайловны Тучковой.)

Т. Толычовой.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1874.

Дозволено цензурою Москва, 18го сентября 1874 года.

СПАСО-БОРОДИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ

И

ЕГО ОСНОВАТЕЛЬНИЦА.

(Посвящается всѣмъ почитающимъ память Маргариты Михайловны Тучковой.)

Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.
Лермонтовъ.

Рядомъ съ великими воспоминаніями и образами нераздѣльными съ именемъ Бородина возникаетъ въ памяти каждаго и свѣтлый женскій образъ. Становится отрадно при мысли что на обширномъ полѣ гдѣ шестьдесятъ два года тому назадъ ложились рядами и русскіе воины и воины иноземные, возвышается, сооруженная скорбью женщины, обитель посвященная ихъ памяти и что раздаются каждый день теплыя о нихъ молитвы.

О Маргаритѣ Михайловнѣ Тучковой можно составить себѣ понятіе уже на основаніи чувства которое она внушила всѣмъ знавшимъ ее. Протекло двадцать два года со дня ея кончины, а воспоминанія о ней еще свѣжи въ Бородинскомъ монастырѣ и его окрестностяхъ, гдѣ ее уважаютъ какъ святую. „Много лѣтъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, разказывалъ мнѣ старичокъ деревни Семеновской, а такой болѣзной души я еще не видывалъ. Когда она скончалась, что въ обители, что

въ окружныхъ селахъ, стонъ стоялъ, потому она намъ всѣмъ была мать родная". „И я помню матушку Марію", говорятъ не безъ гордости молодыя крестьянки. А занеможетъ мужичокъ или пошлетъ ему судьба какое горе, онъ отслужитъ панихиду надъ могилой игуменьи. Въ монастырѣ ея имя вызываетъ слезы и безконечные разказы. Твердо вѣрятъ бородинскія сестры что она живетъ между ними невидимо, что она причастна ихъ вседневной жизни, и повѣряютъ ей свои скорби или радости. Ея келью и могилу онѣ украшаютъ березками въ Троицынъ день, а въ Свѣтлый праздникъ ходятъ христосоваться съ „матушкой", и кладутъ яйца на ея надгробную плиту.

Между подвластными ей монахинями были женщины болѣе или менѣе образованныя, были и совершенно неразвитыя, и всѣ говорятъ о ней съ любовью доходящею до фанатизма. Во всемъ что̀ къ ней относится онѣ видятъ чудесное проявленіе Божьяго промысла. Многія изъ нихъ послѣ ея кончины принуждены были покинуть Спасо-Бородинскій монастырь, который называли своимъ раемъ, и, по ихъ убѣжденію, онѣ волею Божіею разсыпались теперь по разнымъ угламъ Россіи „чтобъ имя матушки было вездѣ прославлено". О „матушкѣ" ни одна не можетъ говорить безъ слезъ, и глядя на нихъ и слушая ихъ восторженныя рѣчи думаешь невольно что женщина внушившая такую единодушную, такую безпредѣльную привязанность стояла выше общаго уровня.

Для составленія этого краткаго очерка жизни Маргариты Михайловны я руководилась преимущественно преданіями семейства Тучковыхъ, разказами бородинскихъ монахинь и даже рукописными воспоминаніями одной изъ нихъ, которая повѣрила мнѣ письма покойной игуменьи. Эти письма составляютъ ея единственное сокровище, она бережетъ ихъ какъ святыню, и я пользуюсь случаемъ изъявить ей мою искреннюю благодарность за оказанное мнѣ довѣріе.

I.

О дѣтствѣ и первой молодости Маргариты Михайловны мнѣ могли, къ сожалѣнію, сообщить лишь самыя скудныя подробности. Она родилась въ началѣ 1781 года. Отецъ ея, Михаилъ Петровичъ Нарышкинъ, и мать ея, Варвара Алексѣевна (рожденная княжна Волконская), были очень извѣстны

и очень любимы въ обществѣ. Дѣвочка обнаружила съ раннихъ лѣтъ природу страстную, нервную и воспріимчивую. Судя по отрывочнымъ отзывамъ дошедшимъ до меня, ее можно было назвать по французскому выраженію: Un véritable feu follet.* Всѣ ея впечатлѣнія носили характеръ страсти, и она уступала имъ безотчетно. Ее манило все прекрасное, все блестящее. Въ особенности любила она музыку, изучала ее основательно и была одарена замѣчательнымъ голосомъ. Увлекало ее также и чтеніе: она могла просидѣть цѣлые часы надъ книгой. За то когда ея вниманіе не было поглощено чѣмъ-нибудь особеннымъ, ей было трудно, почти невозможно, оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Ни время, ни горе не умаяли живости ея характера, и престарѣлая, разбитая горемъ игуменья поражала еще порой своими порывистыми движеніями и оживленною рѣчью. Она была высокаго роста и очень стройна, но черты лица были неправильны, и единственная ея красота состояла въ поразительной бѣлизнѣ и въ живомъ выраженіи зеленоватыхъ глазъ и вообще всей физіономіи.

У Маргариты Михайловны было три брата и четыре младшія сестры, но она была, какъ кажется, любимицей своихъ родителей. Варвара Алексѣевна желала *пристроить ее при себѣ* и начала вывозить въ свѣтъ съ шестнадцатилѣтняго возраста.

Въ это время сталъ являться мимолетною птицей въ московскихъ гостиныхъ молодой Л—скій, извѣстный блестящею служебною карьерой и изяществомъ свѣтскихъ пріемовъ. Онъ былъ единственнымъ сыномъ матери-вдовы, которая очень подружилась съ Нарышкиными, и родители рѣшили между собой что поставятъ подъ вѣнецъ своихъ дѣтей. Л—скій согласился охотно, благодаря свѣтскому положенію и приданому молодой дѣвушки. Что касается до нея, она была еще совершеннымъ ребенкомъ: понятія ея о замужествѣ были до такой степени не ясны что ее нисколько не пугала мысль выйти за человѣка котораго она едва знала. Къ тому же онъ говорилъ отлично по-французски, былъ уменъ и красивъ, и на этихъ данныхъ она убѣдилась что онъ обладаетъ всѣми возможными нравственными совершенствами.

Но Л—скій былъ заклейменъ самыми позорными пороками. Умѣлъ ли онъ обмануть на этотъ счетъ слѣпую привязан-

---

* Настоящій бѣглый огонекъ.

ность матери или мать участвовала сознательно въ обманѣ—это неизвѣстно, но дѣло въ томъ что сыграли свадьбу.

Когда молодая дѣвушка, вынесшая изъ семейной среды дѣтское невѣдѣніе и незапятнанную чистоту понятій, пришла въ столкновеніе съ самымъ грубымъ развратомъ, страхъ и отчаяніе овладѣли ею. Положеніе ея было тѣмъ тягостнѣе что она скрывала его отъ родителей, которые слишкомъ жестоко упрекнули бы себя въ ея несчастіи. Она была одна, безъ помощи, безъ друга, безъ поддержки. Л—скій приглашалъ ее не стѣсняться и выбрать предметъ развлеченія въ кружкѣ его пріятелей. Богъ знаетъ не погибла ли бы безвозвратно дѣвочка брошенная съ шестнадцати лѣтъ въ эту среду, еслибы счастливый случай не выручилъ ее: она встрѣтила Александра Алексѣевича Тучкова, полюбила его и нашла въ своей любви твердую опору.

Однако тайна ея супружескихъ отношеній должна была обнаружиться со временемъ: Варвара Алексѣевна начинала догадываться объ истинѣ, переговорила съ дочерью и не колеблясь ни минуты потребовала развода. Репутація Л—скаго была уже настолько упрочена въ Петербургѣ что дѣло не встрѣтило преградъ и Маргарита Михайловна получила позволеніе возвратиться, подъ именемъ дѣвицы Нарышкиной, въ родительскій домъ.

И вотъ она опять подъ отцовскимъ кровомъ, среди семейнаго кружка, но многое измѣнилось въ ней: она узнала горе и она любила. Тучковъ раздѣлялъ ея чувство и не замедлилъ посвататься, лишь только узналъ что она свободна. Но Нарышкины были такъ напуганы неудачей своего перваго выбора что отвѣчали на его предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Въ это время родительская власть была непреклоннымъ закономъ, и Маргарита Михайловна повиновалась, но горько ей было и много пролила она слезъ. А. Тучковъ напрасно старался подавить свою страсть то усиленными занятіями, то путешествіемъ за границу. Къ этой вѣроятно эпохѣ его жизни относится стихотвореніе которое Маргарита Михайловна берегла долго какъ святыню. Каждая строфа оканчивается стихами:

Qui tient mon coeur et qui l'agite?
C'est la charmante Marguerite. *

* Кто владѣетъ моимъ сердцемъ и кто волнуетъ его? Прекрасная Маргарита.

Прошли годы, а любовь его не остыла. Наконецъ онъ попытался счастія и обратился къ Нарышкинымъ съ новою просьбой. На этотъ разъ ихъ тронули моленья дочери: они дали свое согласіе, и Маргарита Михайловна вступила во второй бракъ.

II.

Ей было тогда двадцать пять лѣтъ, и она зажила полною, счастливою жизнію. Она гордилась красотою мужа, котораго сравнивали въ тогдашнемъ обществѣ съ Аполлономъ, его храбростью, рыцарскою его доблестью. Когда была объявлена война со Швеціей и Александръ Алексѣевичъ собрался въ походъ, она рѣшилась ѣхать съ нимъ. Напрасно онъ самъ и семейство пытались напугать ее лишеніями и опасностію которыя ей предстояло перенести.

— Разстаться съ мужемъ мнѣ еще страшнѣе, отвѣчала она и поѣхала съ нимъ.

Къ сожалѣнію до насъ дошли лишь самыя неудовлетворительныя подробности о Шведскомъ походѣ Маргариты Михайловны. Несмотря на привычки роскоши привитыя съ ранняго дѣтства, она переносила смѣясь жестокія лишенія, проводила ночи въ смрадныхъ избахъ или подъ палатками гдѣ не было возможности отогрѣться. Ей приходилось не разъ переодѣваться деньщикомъ, скрывать подъ фуражку свою бѣлокурую косу и провожать мужа на походной лошади. Тучковъ былъ очень любимъ своими подчиненными; скоро всѣ полюбили и его жену. Ея живость, веселость и въ особенности ея вѣчно-дѣятельная доброта привлекали къ ней всѣхъ. Солдаты старались доставить ей возможныя удобства и въ свою очередь обращались къ ней за помощью всякаго рода. Помогать нищетѣ и горю было потребностію ея природы. Въ Швеціи страдали отъ голода, и лишь только наши войска располагались болѣе или менѣе продолжительною стоянкой, Маргарита Михайловна обходила ближайшія села, отыскивала самыхъ бѣдныхъ поселянъ и одѣляла ихъ деньгами и хлѣбомъ. За больными и ранеными, какъ нашими, такъ и Шведами, она ходила съ заботливостію сестры милосердія.

Но сколько она выстрадала когда ей приходилось отпускать мужа на битву и оставаться одной въ селеніи близкомъ

отъ мѣста сраженія! Объ этихъ часахъ томительнаго ожиданія и страха она не вспоминала никогда хладнокровно. То она молилась, то прислушивалась съ ужасомъ къ пушечнымъ выстрѣламъ. Но все было забыто когда прекращалась пальба, барабанный бой возвѣщалъ о возвращеніи нашихъ войскъ, и она выбѣгала на дорогу и узнавала издали всадника скачущаго впереди полка.

III.

Тучковъ возвратился невредимъ въ Россію и продолжалъ военную службу. Онъ стоялъ съ своими полками въ Минской губерніи. Насталъ Двѣнадцатый годъ, и Александръ Алексѣевичъ получилъ приказаніе выступить къ Смоленску. Въ это время Маргарита Михайловна схоронивъ старшаго сына отняла отъ груди втораго; она кормила его сама и любила съ тою страстью которую вносилъ во всѣ свои привязанности. На этотъ разъ нечего было и думать о томъ чтобы слѣдовать за мужемъ въ походъ, и было рѣшено что молодая женщина съ сыномъ поѣдетъ въ Москву, къ своимъ родителямъ. Она должна была проводить полкъ до Смоленска и продолжать свой путь. Начались приготовленія къ отъѣзду. Тучковъ боялся чтобъ утварь полковой церкви не попала въ руки непріятеля и просилъ Маргариту Михайловну увезти ее съ собой. Между другими церковными принадлежностями находилась мѣстная икона Нерукотворнаго Спаса, которую Александръ Алексѣевичъ вручилъ собственноручно женѣ.

Наконецъ приготовленія были окончены и полкъ выступилъ изъ Минской губерніи, но не въ добрый часъ. Маргарита Михайловна была убита горемъ. Она ѣхала въ дорожной каретѣ съ сыномъ и его няней, мадамъ Бувье, которая жила уже нѣсколько лѣтъ у Тучковыхъ. Маргарита Михайловна познакомилась съ ней въ магазинѣ, гдѣ заказывала свои наряды, имѣла случай убѣдиться въ ея честности и предложила ей опредѣлиться въ няни къ ея старшему сыну. Потомъ добрая Француженка выходила и втораго, но должность ея тѣмъ не ограничилась и мадамъ Бувье приняла еще въ домѣ роль модистки, экономки и наконецъ друга.

Путешествіе длилось: дороги были плохія и полки шли медленно. Приближаясь къ Смоленску остановились въ какой-то деревушкѣ чтобы переночевать. Тучковымъ была отведена

тѣсная, грязная, удушливая изба, но всѣ рады были возможности немного отдохнуть. Поужинали наскоро и улеглись полуодѣтые на сѣнѣ, разостланномъ по полу. Маргарита Михайловна утомленная долгимъ путемъ скоро заснула и ей приснился сонъ. * Она видѣла висящею предъ нею рамку и прочла рѣзко начерченную кровавыми буквами надпись на французскомъ языкѣ: Ton sort se décidera à Borodino (твоя участь рѣшится въ Бородинѣ). Крупныя капли крови отдѣлялись отъ буквъ и струились по бумагѣ. Бѣдная женщина вскрикнула и вскочила съ постели. Ея мужъ и мадамъ Бувье пробужденные крикомъ бросились къ ней. Она была блѣдна и дрожала какъ осенній листъ.

— Гдѣ Бородино? спросила она мужа, едва переводя духъ:— тебя убьютъ въ Бородинѣ!

— Бородино? повторилъ Александръ Алексѣевичъ, — я въ первый разъ слышу это имя.

И дѣйствительно маленькое Бородинское село было тогда неизвѣстно.

Маргарита Михайловна разказала свой сонъ. Тучковъ и мадамъ Бувье старались ее успокоить: Бородино—небывалое мѣсто и наконецъ въ сновидѣніи не было сказано что Александръ Алексѣевичъ будетъ убитъ и объясненіе Маргариты Михайловны совершенно произвольно.

— Вся бѣда въ томъ что твои нервы разстроены, замѣтилъ въ довершеніе ея мужъ, — ложись опять, ради Бога, и постарайся заснуть.

Его хладнокровіе успокоило ее немного. Утомленіе преодолѣло остатокъ страха, и она легла и заснула. Но ей приснился опять тотъ же сонъ: опять та же роковая надпись обнесенная рамкой и тѣ же капли крови, которыя отдѣлялись медленно одна за другой отъ буквъ и струились по бумагѣ. На этотъ разъ она увидѣла еще стоящихъ около рамки священника, брата своего Кирилла Михайловича и наконецъ своего отца держащаго на рукахъ ея маленькаго Колю.

---

* Этотъ сонъ былъ нѣсколько разъ напечатанъ съ разными измѣненіями и каждый слышавшій о немъ разказываетъ его по-своему. Я руководилась семейными преданіями и записала его со словъ Марьи Алексѣевны Тучковой, родной племянницы Александра Алексѣевича. „Тетка передавала мнѣ столько разъ подробности этого сна, говоритъ она, что я помню даже всѣ ея выраженія.“

Она проснулась въ такомъ взволнованномъ состоянiи что Александръ Алексѣевичъ испугался не на шутку. На его слова она отвѣчала одними рыданiями и вопросомъ: гдѣ Бородино? Наконецъ онъ предложилъ ей взглянуть на военную карту и убѣдиться что имени Бородина на ней не находится.

Онъ послалъ немедленно разбудить одного изъ офицеровъ штаба и попросить у него карту. Офицеръ испуганный неожиданнымъ требованiемъ принесъ ее самъ. Тучковъ развернулъ ее не безъ тайнаго можетъ-быть страха и раскинулъ на столъ. Всѣ стали искать роковое имя и не отыскали его.

— Если Бородино дѣйствительно существуетъ, замѣтилъ Александръ Алексѣевичъ обращаясь къ женѣ, — то судя по звучному его имени оно находится вѣроятно въ Италiи. Врядъ ли военныя дѣйствiя будутъ туда перенесены: ты можешь успокоиться.

Но она не успокоилась: зловѣщiй сонъ ее преслѣдовалъ, и совершенное отчаянiе овладѣло ею когда настала минута разстаться съ мужемъ. Тучковъ, обнявъ и благословивъ въ послѣднiй разъ ее и сына, сталъ на большой дорогѣ и смотрѣлъ на удалявшуюся карету пока она не скрылась отъ его глазъ.

IV.

Маргарита Михайловна доѣхала благополучно до Москвы. Нарышкины уже собирались въ свое Костромское имѣнiе, откуда посылала на почту въ уѣздный городокъ Кинешму. Молодая женщина пожелала тутъ остаться чтобъ имѣть возможность получать безъ замедленiя извѣстiя отъ мужа и наняла маленькую квартиру, гдѣ поселилась съ сыномъ и мадамъ Бувье.

Тучковъ писалъ часто къ женѣ. Она ждала почтовыхъ дней въ лихорадочномъ нетерпѣнiи, и ее одолѣвала постоянная тоска. Наступило 1е сентября, день ея именинъ. Она отслушала обѣдню и вернувшись изъ церкви сѣла къ столу, задумалась, оперлась руками на столъ и опустила голову на руки. Вдругъ ее окликнулъ голосъ отца. Ей пришло немедленно на мысль что Михаилъ Петровичъ прiѣхалъ изъ деревни чтобы провести съ ней этотъ день и она подняла голову. Предъ ней стоялъ священникъ, а рядомъ съ нимъ ея отецъ съ маленькимъ Колей на рукахъ. Всѣ страшныя подробности

ея сна мелькнули мгновенно въ ея памяти, одного лишь брата не доставало къ дополненію картины.

— А Кириллъ? крикнула она изступленнымъ голосомъ.

Онъ показался на порогѣ.

— Убитъ! молвила Маргарита Михайловна, и лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя братъ и отецъ стояли около нея.

— Было дано сраженіе подъ Бородинымъ, сказалъ ей сквозь слезы Кириллъ Михайловичъ.

Онъ былъ адъютантомъ Барклая-де-Толли, спѣшилъ въ армію и заѣхалъ къ своимъ для того только чтобы сообщить ей горькое извѣстіе о смерти мужа. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Маргарита Михайловна не могла его видѣть чтобы не вспомнить о ихъ встрѣчѣ въ Кинешмѣ, и съ ней дѣлалась дурнота при его появленіи.

V.

Тяжкій ударъ разразился надъ семействомъ Тучковыхъ. Александръ Алексѣевичъ былъ младшій изъ пяти братьевъ. Ихъ мать Елена Яковлевна * благословила на войну четырехъ сыновей. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ Турецкомъ походѣ и не успѣлъ еще возвратиться, а старшій, Алексѣй Алексѣевичъ, былъ предводителемъ въ Звенигородѣ. Послѣ Бородинской битвы онъ узналъ что братъ его Александръ убитъ, что обозъ съ ранеными потянулся къ Ярославлю, что въ числѣ раненыхъ братъ его Николай, и выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Когда добрались до Ярославля, Тучковы нашли самое радушное гостепріимство въ стѣнахъ монастыря. Тамъ были поданы раненому всѣ пособія, но не оказалось возможности его спасти. Алексѣй Алексѣевичъ, похоронивъ его, поѣхалъ немедленно къ матери: ему предстояла тяжкая обязанность объявить ей объ общемъ ихъ несчастіи.

Старушка жила въ своемъ Тверскомъ имѣніи съ двумя дочерьми, невѣсткой и внучатами. Какъ скоро Наполеонъ сталъ приближаться къ московскимъ предѣламъ, Алексѣй Алексѣевичъ отправилъ къ ней свое семейство состоявшее изъ жены, четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Когда же онъ прі-

* Рожденная Казаринова.

ѣхалъ въ Тверь послѣ Бородинскаго погрома, Елена Яковлевна не получала уже давно извѣстія изъ арміи и была въ сильномъ безпокойствѣ. Не повидавшись еще съ ней онъ прошелъ прямо къ сестрамъ и рѣшили общимъ совѣтомъ что надо объявить ей разомъ о всѣхъ несчастіяхъ поразившихъ семейство, а не истощать постепенно ея силъ продолжительною пыткой.

Необходимо было, однако, приготовить ее къ тяжкому испытанію, и дочери сказали ей что ходятъ плохія извѣстія, что было дано сраженіе подъ Москвой, что надо ожидать брата Алексѣя, которому все должно быть извѣстно, и не старались скрывать отъ нея своихъ глазъ раскраснѣвшихся отъ слезъ. Она слушала молча и не торопила горькаго объясненія. Наконецъ одна изъ дочерей ей сказала:

— Матушка, братъ пріѣхалъ.

Онъ вошелъ, и Елена Яковлевна не давъ ему времени съ ней поздороваться остановила на немъ пристальный взглядъ и сказала:

— Говори правду: что̀ Николай?

Николай былъ самымъ любимымъ изъ ея сыновей.

— Онъ раненъ... отвѣчалъ Алексѣй Алексѣевичъ,—очень тяжело раненъ...

Она сильно поблѣднѣла и повторила:

— Говори правду: онъ живъ?

Отвѣта не было.

— А Павелъ? спросила она помолчавъ немного.

— Онъ попалъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ... онъ раненъ.

— А Александръ?

— Убитъ, промолвилъ едва внятно Алексѣй Алексѣевичъ.

Наступило гробовое молчаніе, потомъ послышались сдержанныя рыданья. Не плакала одна только старушка. Вдругъ она поднялась медленно съ своего кресла, но была не въ силахъ сойти съ мѣста и опустилась на колѣни тамъ гдѣ стояла. Присутствующіе слышали глухо произнесенныя слова:

— Да будетъ Твоя святая воля!

Потомъ она провела руками около себя, какъ будто отыскивая чего-то ощупью, и наконецъ сказала:

— Подымите меня, я не вижу.

Всѣ бросились ее подымать, она встала и молвила твердымъ голосомъ:

— Ослѣпла, и слава Богу не на кого больше смотрѣть.

Параличъ поразилъ глазные нервы. Нѣсколько лѣтъ спустя императрица Марія Θеодоровна посѣтивъ Москву прислала своего окулиста Еленѣ Яковлевнѣ. Но старушка не позволила ему даже осмотрѣть ея глаза.

— Передайте пожалуста мою искреннюю благодарность ея величеству, сказала она,—но я не горюю о потерѣ зрѣнія; смотрѣть уже мнѣ не на кого, прибавила она опять.

VI.

Не скоро пришла въ себя Маргарита Михайловна послѣ извѣстія сообщеннаго ей братомъ. Лишь только возвратились ея силы она поѣхала на Бородинское поле отыскивать тѣло мужа. Уже наступила вторая половина октября когда ея дорожная карета остановилась у скромной усадьбы знакомой ея доброй женщины жившей около Можайска. Путешественница не давши себѣ времени отдохнуть отъ тяжелой дороги послала въ Лужецкій монастырь просить священниковъ придти немедленно на мѣсто битвы чтобъ отслужить панихиду по убіеннымъ, а между тѣмъ поѣхала сама на поле, гдѣ, по выраженію Θ. Н. Глинки, „лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы“. Все прибавляло къ ужасамъ картины: ночь уже наступила, небо было сумрачно, дулъ по временамъ холодный вѣтеръ и воздухъ былъ зараженъ тысячами тлѣвшихъ тѣлъ. По распоряженіямъ начальства приступили къ ихъ сожженію, и на берегахъ Огника пылали костры, надъ которыми подымался въ сыромъ воздухѣ густой дымъ. Здѣсь Маргарита Михайловна опустилась на колѣни и слушала панихиду по „убіенномъ болярине Александрѣ и всѣмъ воинамъ на семъ мѣстѣ погибшимъ“. Когда клиръ умолкъ повторивъ за дьякономъ „вѣчная память“, Тучкова встала и спросила кто поможетъ ей отыскать тѣло мужа. На этотъ подвигъ вызвался старый схимникъ.

Мѣсто гдѣ палъ Александръ Алексѣевичъ было приблизительно извѣстно. Одинъ изъ бородинскихъ воиновъ, графъ Коновницынъ, другъ Нарышкиныхъ, прислалъ Маргаритѣ Михайловнѣ планъ поля битвы, гдѣ батарея на которой сражался Тучковъ была означена около ручья Огника и деревни Семеновской. Кромѣ того узнали отъ солдата Ревельскаго

полка * что у генерала оторвало обѣ руки и онъ упалъ. Солдаты подняли его чтобъ унести съ мѣста сраженія, но лишь только они прошли нѣсколько шаговъ съ своею ношей, у него оторвало ноги, и наконецъ ядро попавшее въ грудь прекратило его страданія. **

Отшельникъ держа въ одной рукѣ факелъ, а въ другой фіалъ со святою водой и кропильницей шелъ впередъ по указаніямъ вдовы. Они останавливались на каждомъ шагу прокладывая себѣ медленно путь между разбросанныхъ тѣлъ и отсѣченныхъ членовъ. Старикъ творилъ вполголоса молитву и окроплялъ святою водой убіенныхъ, а она нагибалась къ каждому обезчлененному трупу и старалась узнать сквозь признаки тлѣнія дорогія для нея черты. Лихорадочная надежда поддерживала ея силы и во всю ночь продолжалось ея странствованіе по Бородинскому полю. Наконецъ она убѣдилась что ея усилія напрасны и возвратилась въ отчаяніи на квартиру, гдѣ оставила сына и вѣрную свою мадамъ Бувье. Но переступивъ черезъ порогъ комнаты она упала безъ чувствъ, и когда пришла въ себя съ ней сдѣлался сильный нервный припадокъ.

VII.

Оправившись немного она поѣхала въ свое Тульское имѣніе. Тупое отчаяніе овладѣло ею, и мадамъ Бувье опасалась не только за ея здоровье, но даже за разсудокъ. Уже наступили довольно сильные морозы, а Маргарита Михайловна находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи что жаловалась постоянно на нестерпимый жаръ и не выносила ничего кромѣ кисейнаго платья. Пораженные нервы и безсонныя ночи доводили ее иногда до бреда. Она старалась себя убѣдить что мужъ ея не умеръ, но попалъ въ плѣнъ точно также какъ старшій его братъ.

Разъ въ холодный ноябрьскій вечеръ она вдругъ сказала мадамъ Бувье:

— Кто ручается что *этотъ* солдатъ говоритъ правду? Если-

---

* Ревельскимъ полкомъ командовалъ Тучковъ.

** Ѳ. Н. Глинка разказываетъ иначе его смерть, но я руковожусь семейными преданіями, которыя Марья Алексѣевна Тучкова мнѣ обязательно сообщила.

бы *онъ* былъ убитъ, я нашла бы *его* тѣло: я осматривала всѣ трупы. Павелъ въ плѣну: вѣрно и онъ въ плѣну.

— Не обманывайте себя, отвѣчала со слезами добрая Француженка, — еслибъ онъ попалъ въ плѣнъ, это было бы извѣстно.

— А я вамъ говорю что онъ въ плѣну... Можетъ-быть ему удалось уйти изъ плѣна.... Онъ вѣроятно придетъ сюда, можетъ онъ не далеко, его надо поискать... одинъ... ночью...

Мадамъ Бувье посмотрѣла на нее съ грустью и не отозвалась, а Маргарита Михайловна вышла поспѣшно изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ Француженкѣ пришло въ голову что можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ Тучкова пойдетъ отыскивать мужа и бросилась въ спальню. Спальня была пуста. Мадамъ Бувье обошла весь домъ и не нашла никого кромѣ прислуги.

Бѣдная женщина не вспомнила себя отъ страха: отойти отъ ребенка, котораго она уложила уже спать, было невозможно, но она позвала людей и разослала ихъ во всѣ стороны отыскивать свою госпожу. Они запаслись фонарями и долго бродили пока имъ удалось наконецъ встрѣтить ее въ лѣсу. Она быстро шла по тропинкѣ побѣлѣвшей отъ мороза и оставляла на обнаженныхъ кустахъ клочки своего кисейнаго платья. Ее уговорили лишь съ трудомъ возвратиться домой.

Она оставалась въ этомъ тревожномъ состояніи пока не убѣдилась окончательно въ своемъ несчастіи. Время смягчило постепенно ея горе, но сердце ея было разбито. Трогательны ея свиданья со свекровью, которой она привозила своего маленькаго Колю и говорила ей что онъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе похожъ на отца. Тогда слѣпая старушка брала на колѣни ребенка, цѣловала его и плакала. Часто поддерживала она силы неутѣшной вдовы и останавливала порывы ея отчаянія смиреннымъ словомъ, въ которомъ таится столько геройскаго мужества: „Да будетъ Его святая воля!“

VIII.

Маргаритѣ Михайловнѣ запала въ душу мысль посвятить молитвѣ мѣсто на которомъ погибъ ея мужъ. Земля трехъ владѣльцевъ соединялась клиномъ тамъ гдѣ стояли его полки и Тучкова думала купить у каждаго его участокъ, для

постройки церкви, но они пожертвовали свою землю въ пользу благаго дѣла. Императоръ Александръ I прислалъ десять тысячъ на основаніе храма, и Маргарита Михайловна, продавъ свои бриллiанты, чтобы пополнить сумму, приступила немедленно къ постройкамъ. Она любила слѣдить сама за работами и поставила около начатой церкви небольшой домикъ или сторожку,—какъ ее называютъ до сихъ поръ,—гдѣ помѣщалась съ сыномъ и мадамъ Бувье, когда прiѣзжала въ Бородино изъ Москвы или изъ своего Тульскаго имѣнiя. Маленькая четырехугольная церковь поражаетъ простотою своей архитектуры и убранства. На стѣнахъ, отдѣланныхъ подъ бѣлый мраморъ, нѣтъ ни украшенiй, ни даже иконъ. Живопись бронзоваго иконостаса принадлежитъ кисти кiевскихъ иконописцевъ.

Послѣ удаленiя непрiятеля отъ нашихъ границъ, Ревельскiй полкъ, почти совершенно истребленный подъ Бородинымъ, былъ снова сформированъ, и его начальникъ явился къ Маргаритѣ Михайловнѣ чтобы принять отъ нея церковную утварь ввѣренную ей Александромъ Алексѣевичемъ. Но вдова не рѣшилась разстаться съ иконой Нерукотвореннаго Спаса, предъ которою сотворила послѣднюю молитву вмѣстѣ съ мужемъ, и просила у новаго командира позволенiя оставить ее у себя, обязуясь доставить ему вѣрную съ нея копiю. Онъ согласился тѣмъ охотнѣе что иконостасъ полковой церкви былъ возобновленъ и образъ не подходилъ подъ его размѣръ.

Этотъ образъ сдѣлался предметомъ особеннаго поклоненiя и вѣры Маргариты Михайловны. Предъ скорбнымъ ликомъ Спасителя она любила изливать свое горе и учила осиротѣвшаго сына молиться предъ нимъ за убiеннаго отца. Спасо-Бородинскiй храмъ былъ отстроенъ и освященъ въ 1820 году, и она внесла въ него сама драгоцѣнную для нея икону, которую поставила надъ правомъ клиросомъ.

Эта церковь — надгробный памятникъ Тучкова. За олтаремъ возвышается регулярная насыпь; на ней растетъ береза, къ которой прибита доска съ надписью: „На сей батареѣ убитъ Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 1812 года 26го августа“. Внутри церкви, налѣво отъ входа, стоитъ бѣлый мраморный крестъ: на его темномъ подножiи, также изъ мрамора, вырѣзаны слова: „Помяни Господи во царствiи Твоемъ Александра на брани убiеннаго“. Въ серединѣ креста золотое сiянiе, и предъ нимъ горитъ постоянно лампада.

IX.

Свою жизнь Маргарита Михайловна посвятила памяти мужа и воспитанію ребенка. Она схоронила отца и мать, и съ каждою новою утратой росла ея привязанность къ сыну. Вѣчная ея грусть имѣла на него сильное вліяніе, и онъ былъ не по лѣтамъ тихъ и задумчивъ. Первыя его воспоминанія относились къ Бородинскому полю, гдѣ мать гуляя съ нимъ разказывала ему о пророческомъ своемъ снѣ, о страшной битвѣ, о смерти его отца, о темной октябрьской ночи когда она отыскивала его трупъ. Мальчикъ живо помнилъ что разъ когда ему было лѣтъ шесть она сказала ему:

— Эта батарея могила твоего отца, посади на ней дерево въ его память: неси за мной этотъ маленькій тополь.

Она взяла лопату и пошла на батарею, гдѣ стала рыть землю, заставляя ребенка помогать ей по мѣрѣ его силъ, и слезы ея капали на корни дерева, которое его ручонки поддерживали съ усиліемъ надъ вырытою ямой.

Вся обстановка среди которой росъ Коля поддерживала врожденную наклонность къ грусти наслѣдованную имъ отъ отца. Онъ не зналъ шумныхъ и рѣзвыхъ игръ, всѣ его любили за сердечную его мягкость и доброту, но скромный и тихій мальчикъ умѣлъ уже внушать къ себѣ уваженіе. Въ семейныхъ преданіяхъ сохранился анекдотъ который даетъ понятіе о немъ. Онъ былъ записанъ въ Пажескій корпусъ и лишь по слабости здоровья жилъ при матери. Но ему слѣдовало выдержать довольно трудные экзамены, и чтобы приготовиться къ нимъ окончательно онъ долженъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ корпусѣ. Тогда Маргарита Михайловна переѣхала на время въ Петербургъ, гдѣ она сама и мадамъ Бувье могли часто навѣщать свое сокровище. Появленіе Француженки вызвало смѣхъ пажей.

„Къ Тучкову ѣздитъ его няня!“ закричали нѣсколько голосовъ, и насмѣшки посыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Слово *няня* оскорбительно для четырнадцатилѣтняго мальчика, однако честное чувство взяло верхъ надъ дѣтскою обидчивостію: Коля покраснѣлъ, но сказалъ твердымъ голосомъ:

— Да, она моя няня, но любитъ меня какъ сына, и я прошу чтобы никто надъ ней не шутилъ.

Смѣхъ и шутки дѣйствительно замолкли. Прошло дня два и дѣти играли на дворѣ когда увидали приближающуюся коляску въ которой сидѣла мадамъ Бувье. Коля побѣжалъ на встрѣчу няни, помогъ ей выйти изъ экипажа, расцѣловался съ ней, и взявъ ее подъ руку провелъ мимо своихъ товарищей. Съ тѣхъ поръ молодежь оказывала особенное уваженіе и ему и мадамъ Бувье.

Радовалась и не нарадовалась на него Маргарита Михайловна, но не долго суждено ему было служить ей утѣшеніемъ. Ее часто тревожила слабость его здоровья, однако доктора увѣряли что онъ окрѣпнетъ съ годами, что его изнуряетъ ростъ. И дѣйствительно, мальчикъ высокій и гибкій какъ пальма началъ поправляться когда ему минуло пятнадцать лѣтъ. Но онъ простудился и занемогъ. Медикъ лѣчившій его пользовался тогда большою репутаціей въ Москвѣ, однако Маргарита Михайловна потребовала консиліумъ, на который былъ приглашенъ Мудровъ. Осмотрѣвъ Колю тотъ подтвердилъ что опасности нѣтъ и прибавилъ что ручается головой за выздоровленіе. Обрадованная мать, проводивъ его, возвратилась съ успокоеннымъ сердцемъ въ комнату больнаго, а черезъ нѣсколько часовъ ее выносили безъ чувствъ изъ этой комнаты гдѣ сынъ умеръ на ея рукахъ.

Прошло нѣсколько дней, и Спасо-Бородинская церковь привѣтствовала глухимъ ударомъ своего колокола появленіе траурной колесницы, которая приближалась медленно сопровождаемая Маргаритою Михайловной. Видъ храма воздвигнутаго надъ прахомъ мужа смягчилъ на минуту жгучее горе матери. Когда гробъ былъ поставленъ противъ царскихъ дверей, она подняла глаза къ мѣстной иконѣ Спасителя, который изображенъ во весь ростъ поддерживая свой крестъ, и произнесла сквозь слезы слова пророка: „Се азъ, Господи, и чадо еже ми далъ еси“. *

На правой сторонѣ отъ входа лежитъ въ церкви, параллельно съ мраморнымъ крестомъ, обнесенная позолоченною рѣшеткой плита, на которой вырѣзано имя Николая Тучкова. Предъ ней стоитъ налой, а на немъ въ золотомъ окладѣ икона „радости всѣхъ скорбящихъ“. Этою иконой Александръ Алексѣевичъ, собираясь въ походъ, изъ котораго не вернулся, благословилъ сына. Вѣчная лампада теплится предъ ней.

---

* Исаія, глава VIII, стихъ 18.

X.

Не мирилось наболѣвшее сердце Маргариты Михайловны съ ударомъ разбившимъ окончательно ея жизнь. Точно также какъ больной переходитъ съ мѣста на другое въ надеждѣ облегчить свои страданія, она переѣзжала изъ Бородина въ Москву и изъ Москвы въ Бородино. То она утомляла себя долгою молитвой, то не находила возможности принудить себя къ молитвѣ. Она пробовала искать успокоенія въ вѣрѣ другихъ и обращалась за утѣшительнымъ словомъ къ людямъ отрекшимся отъ міра. Разъ она пріѣхала къ митрополиту Филарету въ ту минуту когда съ нимъ прощалась пожилая женщина и трое молодыхъ людей. Какъ скоро они вышли изъ комнаты, митрополитъ сказалъ:

— Тоже Бородинская вдова и ея сироты.

— Три сына! воскликнула она, а у меня все отнято! За что̀?

Онъ взглянулъ на нее строго и отвѣчалъ:

— Вѣроятно она болѣе васъ заслужила своею покорностію милость Божію.

Маргарита Михайловна не отозвалась и рыдала прислонясь къ стѣнѣ. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ она вышла изъ комнаты, спустилась съ лѣстницы и сѣла въ карету. Возвратившись домой она приказала отказывать всѣмъ и заперлась въ свою спальню.

Черезъ часъ черный цугъ митрополита остановился предъ крыльцомъ ея дома. Лакей отворилъ дверь и доложилъ что Маргарита Михайловна не принимаетъ.

— Но меня она вѣроятно приметъ, отвѣчалъ Филаретъ,—скажи ей что я желаю ее видѣть.

Когда онъ вошелъ, она встрѣтила его въ гостиной.

— Я оскорбилъ васъ жесткимъ словомъ, Маргарита Михайловна, сказалъ онъ подходя къ ней,—и пріѣхалъ просить у васъ прощенія.

Эти слова глубоко ее тронули и положили начало искренней дружбѣ между ею и митрополитомъ. Съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Его ли руководясь совѣтами, повинуясь ли новой потребности своего горя, она переселилась окончательно на Бородинское поле.

XI.

Около церкви и сторожки скоро образовалась маленькая усадьба съ необходимыми надворными строеніями. Они давно уже не существуютъ, но сторожка уцѣлѣла въ своемъ первобытномъ видѣ, и мы введемъ въ нея читателя. *

Нѣсколько ступеней и замыкающая ихъ небольшая площадка окружены стеклянными стѣнами, которыя образуютъ родъ галерейки. Кругомъ стоятъ растенія. Тутъ Маргарита Михайловна сиживала въ жаркіе лѣтніе вечера, около маленькаго столика. Галерейка ведетъ къ пространнымъ сѣнямъ раздѣляющимъ на двѣ половины сторожку. Съ лѣвой стороны дверь выходитъ въ большую комнату освѣщенную тремя окнами. Въ углу стоитъ шкапъ съ образами осѣненными іерусалимскою пальмой и предъ ними теплится лампада. Рядомъ съ образницей, налой покрытый бархатною фіолетовою пеленой: на немъ лежатъ Крестъ, Евангеліе и выточенная изъ слоновой кости голова Іоанна Крестителя. Около налоя маленькій шкапчикъ съ игрушками Коли, чашкой французскаго фарфора принадлежавшей его отцу и разными бездѣлушками. Съ другой стороны образницы поставили послѣ кончины игуменьи небольшой стеклянный шкапъ, гдѣ хранятся ея ряска, мантія, камилавка, четки и посохъ. На выбѣленныхъ стѣнахъ комнаты висятъ портреты. Старинный, изъ краснаго дерева комодъ, бюро, небольшой столъ предъ диваномъ, нѣсколько стульевъ, наконецъ вольтеровское кресло стоявшее когда-то въ кабинетѣ Александра Алексѣевича и дѣтская мебель довершаютъ скромное убранство этой комнаты. Мебель обита зеленою шерстяною матеріей; надъ окнами висятъ ситцевыя гардины.

За этою комнатой другая съ однимъ только окномъ, у котораго любила заниматься Маргарита Михайловна предъ небольшимъ столикомъ изъ краснаго дерева. На одной стѣнѣ большое Распятіе, въ другой поставецъ, гдѣ стоитъ дѣтскій умывальникъ, и наконецъ кровать за дверью: это спальня.

Направо изъ сѣней большая комната раздѣленная надвое. Въ одной половинѣ устроилась горничная, а въ послѣдствіи

* Послѣ кончины Маргариты Михайловны, митрополитъ Филаретъ приказалъ чтобы сторожка осталась безъ измѣненій.

келейница Маргариты Михайловны, въ другой жила цѣлые два года мадамъ Бувье.

Службу въ Спасо-Бородинской церкви отправляли лишь по праздникамъ и поминальнымъ днямъ, а осиротѣвшей женщинѣ хотѣлось слушать ежедневно обѣдню надъ прахомъ мужа и сына, и она внесла въ Опекунскій Совѣтъ довольно значительный капиталъ. Его проценты были предоставлены братіи Лужецкаго монастыря, съ тѣмъ чтобъ іеромонахи обители отправляли поочередно службу въ Спасо-Бородинскомъ храмѣ. Вдовѣ воина хотѣлось также устроить для инвалидовъ богадѣльню на шесть кроватой. Но этотъ планъ не осуществился, и одинъ только несчастный нашелъ пріютъ около ея церкви. Его звали Горленко. Семейство его состояло изъ двухъ сыновей, которые пали подъ Бородинымъ. Семидесятилѣтній старикъ желалъ посвятить молитвѣ остатокъ одинокой жизни и ходилъ въ Іерусалимъ, гдѣ принялъ схиму. На возвратномъ пути онъ посѣтилъ Бородинское поле и поклонился со слезами умиленія серебряной главѣ церкви выстроенной для вѣчнаго поминанія „воиновъ на семъ мѣстѣ убіенныхъ“. Маргарита Михайловна пригласила его поселиться въ этомъ пустынномъ уголкѣ и молиться вмѣстѣ съ нею за дорогихъ имъ покойниковъ. Онъ согласился съ радостію, прожилъ три года въ Бородинѣ и умеръ на ея рукахъ.

Колокольный звонъ будилъ ее каждый день съ восходомъ солнца. Она вставала, одѣвалась безъ помощи горничной и спѣшила въ церковь, гдѣ пѣла на клиросѣ, а Горленко читалъ каѳизмы и канонъ. По окончаніи заутрени она отдыхала, потомъ слушала обѣдню и послѣ ранняго обѣда занималась перепиской или чтеніемъ. Въ лѣтніе дни она сидѣла иногда подъ тополемъ посаженнымъ Колей въ память своего отца. Отъ корня пошли два другіе ствола, и Маргарита Михайловна видѣла въ этихъ деревьяхъ эмблему себя, мужа и сына и любила ихъ какъ воспоминаніе всего что̀ ей было дорого. *

---

* Къ сожалѣнію они уже не существуютъ. Маргарита Михайловна говорила часто своимъ монахинямъ: „когда меня не будетъ, берегите эти тополя въ память меня и моихъ“, и добрыя женщины послѣ ея кончины смотрѣли на нихъ какъ на живое воспоминаніе своей „матушки“. Но игуменья замѣнившая ее приказала срубить деревья, чтобы расширить около нихъ дорогу. Когда застучали топоры, мона-

Вечера она проводила вдвоемъ съ мадамъ Бувье, которая хлопотала цѣлый день по хозяйству и готовила иногда сама очень вкусный обѣдъ. Онѣ вспоминали о прошломъ, о миломъ своемъ Колѣ... Осенью дождь стучалъ по тесовой кровлѣ и свистъ вѣтра смѣшивался съ завываніемъ волковъ, которые ходили стаями по полю, и можно было видѣть изъ оконъ ихъ глаза сверкавшіе какъ угли въ темнотѣ. Но пустынницы продолжали не смущаясь свою грустную бесѣду. Маргарита Михайловна вышивала воздухи или церковную пелену, а мадамъ Бувье трудилась надъ вязаніемъ. Свою работу она продавала и на вырученныя деньги покупала масла для лампады висящей предъ надгробною плитой Николая Тучкова. Добрая женщина, душой преданная католической церкви, не уступала никому права содержать лампаду въ православномъ храмѣ гдѣ молилась за ребенка котораго такъ горячо любила.

Маленькую Бородинскую колонію одушевляло общее чувство любви къ отжившимъ. Женщина исправлявшая должность горничной прислуживала нѣкогда въ дѣтской и помогала мадамъ Бувье присматривать за ребенкомъ. Она была лютеранка, родомъ изъ Дерпта, но приняла православную вѣру и въ послѣдствіи постриглась подъ именемъ Девворы. Она искажала по-своему, а мадамъ Бувье по-своему русскій языкъ, но онѣ понимали другъ друга, потому что ихъ соединяли дорогія воспоминанія. А церковнымъ сторожемъ былъ дядька Коли, и ему жилось грустно, но мирно у могильныхъ памятниковъ Александра Алексѣевича и „молодаго барина". Старикъ любилъ содержать въ порядкѣ церковь, гдѣ покоился ихъ прахъ, но Деввора выговорила себѣ право надзора надъ могилой Коли, и каждое утро запасалась метелкой и ручникомъ, обметала до послѣдней пылинки насѣвшей на плиту и рѣшетку, оправляла лампаду предъ налоемъ, и клала свой усердный поклонъ у гробницы.

хини обливаясь слезами стали рвать съ завѣтныхъ тополей листья, которые берегутъ до сихъ поръ въ своихъ молитвенникахъ. Одна изъ нихъ говорила мнѣ: „когда вырыли корни и потащили ихъ вонъ изъ ограды, мы бѣжали за ними словно за гробомъ, словно по покойникѣ убивались".

XII.

Въ окрестностяхъ Бородинскаго поля распространилась скоро молва о „доброй барынѣ что̀ живетъ въ Богѣ и любитъ нищiю братiю“, и не было дня чтобы подъ окно пустыннаго домика не приходили больные и нуждающiеся. Маргарита Михайловна одѣляла однихъ лѣкарствомъ, другихъ деньгами или хлѣбомъ, и всѣхъ добрымъ словомъ.

Разъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, куда ѣздила иногда для свиданiя съ семействомъ, она услыхала умоляющiй голосъ и велѣла остановить лошадей. На дорогѣ стояла телѣга, которой правилъ крестьянинъ, а въ телѣгѣ лежала худая, блѣдная женщина. Тучкова разспросила о ней мужичка.

— Горькая ей выпала доля, родимая, отвѣчалъ онъ.—У нея двѣ дѣвочки, глупенькiя какъ есть, и говорятъ плохо, да мужъ недобрый: съ утра до ночи пьянъ и бьетъ ихъ всѣхъ безъ жалости. Иной разъ такъ дѣвчонокъ напугаетъ что онѣ въ лѣсъ убѣгутъ, да тамъ и пропадаютъ цѣлыя сутки. Какъ еще Господь ихъ отъ бѣды спасаетъ! А она, горемычная, побиралась пока силъ хватало, а теперь руки и ноги отнялись.

Маргарита Михайловна велѣла ему ѣхать за ея каретой. Добравшись до Бородина, гдѣ оставила больную у себя, она навела справки и убѣдилась въ истинѣ слышаннаго разказа. Тогда она выписала исправника, объявила ему что желаетъ прiютить несчастную женщину и ея дѣтей приписанныхъ къ казенному селу и просила доставить ей дѣвочекъ. Исправникъ привезъ ихъ на другой же день. Одна изъ нихъ, дряхлая уже старуха, живетъ до сихъ поръ въ обители.

Призрѣнiе бѣднаго семейства положило начало Спасо-Бородинской общинѣ: за разслабленною требовался уходъ, и къ ней была приставлена молодая крестьянка изъ сосѣдняго села. Но умножившимся жителямъ Бородинскаго поля стало тѣсно въ маленькой усадьбѣ, и Маргарита Михайловна воспользовалась лѣтнимъ временемъ чтобы выстроить еще домъ, раздѣленный на двѣ части. Въ одной изъ нихъ были комнаты назначенныя для посѣтителей; туда же переселилась и мадамъ Бувье, а уголокъ который она занимала въ сторожкѣ превратился въ столовую. Другая половина новаго дома была назначена для богадѣльни. Число ея жильцовъ быстро умножилось.

Кромѣ того многія желавшія удалиться отъ міра просили у Тучковой позволенія поставить домики на ея землѣ. Отказа не было никому, и около Спасо-Бородинскаго храма селились одинаково бѣдныя и богатыя женщины, принадлежавшія къ образованному классу общества и неграмотныя крестьянки. Но расширеніе колоніи потребовало новыхъ условій для жизни. Закипѣла вездѣ работа: появились огороды, былъ вырытъ колодезь, пробѣжали по лугу тропинки. Во все лѣто стучалъ топоръ и скрипѣла пила, осенью новыя строенія обсаживались сиренью и кленами, а на Егорьевъ день пастухъ сталъ выгонять въ поле небольшое стадо и ожила пустыня.

Одинокая вдова была призвана къ новой жизни: счастіе погибло для нея безвозвратно, но горячая природа требовала дѣятельности,—веселость характера была убита, но живость ума искала пищи. По своей развитости и своему положенію, Тучкова стала главой общества образовавшагося около нея: всѣ обращалися къ ней за совѣтами и всѣ ее любили. Она воспользовалась своимъ вліяніемъ и привлекла каждаго къ посильному труду. Между тѣмъ какъ однѣ работали на огородахъ или хлопотали по хозяйству, которое сдѣлалось общимъ, другія учили грамотѣ дѣтей. А Маргарита Михайловна являлась поочередно на постройкахъ, въ учебной комнатѣ, на земляныхъ работахъ. Ея черное платье мелькало вездѣ, вездѣ раздавался ея звучный голосъ. Она всѣхъ ободряла, назначала каждому его дѣло, и дѣло спорилось всюду. Молодымъ дѣвушкамъ она давала уроки пѣнія и выписала изъ Москвы музыканта. Онъ помогъ ей сформировать духовный хоръ, который сталъ въ послѣдствіи знаменитъ.

XIII.

Маргарита Михайловна подумала первая о томъ чтобы почтить соборными молитвами годовщину великой битвы и упрочить воспоминаніе о ней въ памяти потомства. Съ этою цѣлью она стала приглашать духовенство окрестныхъ селъ собираться 26го августа въ Спасо-Бородинскій храмъ. Тамъ служили за всѣхъ воиновъ погибшихъ въ этотъ скорбный для Россіи день панниходу вошедшую наконецъ въ обычай, и мало-по-малу образовался крестный ходъ, который былъ въ послѣдствіи утвержденъ.

Въ селѣ Бородинѣ стоитъ старинная, двухъярусная церковь, которая сильно пострадала въ день битвы. Престолъ нижняго яруса посвященный когда-то Рождеству Спасителя былъ скоро послѣ удаленія непріятеля возобновленъ во имя Сергія Радонежскаго. Выборъ этого посвященія легко объясняется: когда Наполеонъ перешелъ черезъ русскую границу, митрополитъ Платонъ прислалъ въ наше войско икону съ изображеніемъ Сергія, который благословилъ древле Донскаго на битву съ Татарами. Во все время войны эта икона находилась постоянно при Кутузовской арміи.

Духовенство сосѣднихъ селъ собирается 26го августа въ Бородино, гдѣ служатъ раннюю обѣдню. По ея окончаніи идутъ крестнымъ ходомъ въ монастырь, и съ 1839 года * останавливаются у памятника чтобы пропѣть литію. Лишь только духовенство выходитъ изъ села, начинается колокольный звонъ въ обители, гдѣ другой крестный ходъ съ архимандритомъ во главѣ встрѣчаетъ шествіе у Святыхъ воротъ. Потомъ начинается соборная обѣдня за которой слѣдуетъ панихида. **

Въ 1833 году считалось уже до сорока человѣкъ въ Бородинѣ, и Тучкова обратилась къ императору Николаю съ просьбой утвердить Спасо-Бородинскую общину. Ея желаніе было немедленно исполнено. Тогда она дала крестьянамъ своего Тульскаго помѣстья права вольныхъ хлѣбопашцевъ, съ тѣмъ чтобъ они ей платили ежегодно двѣ тысячи ассигнаціями. Половину Ярославскаго своего имѣнья она продала за двадцать тысячъ и проценты съ этого капитала, точно также аренду съ крестьянъ и генеральскую пенсію, которую получала послѣ смерти мужа, она употребила на устройство своей общины.

Но въ Бородинѣ было болѣе бѣдныхъ нежели богатыхъ, и средства начинали скудѣть. Маргарита Михайловна не позволяла себѣ удобствъ которыми не пользовались всѣ сестры, и несмотря на роскошь къ которой была пріучена съ дѣтства, садилась за общую трапезу, гдѣ приходилось часто пробавляться исключительно овощами собственныхъ огородовъ. Хлѣбъ былъ покупной, а рыбу доставали съ трудомъ, какъ по ея дороговизнѣ такъ и по отдаленности отъ всякаго мѣста ловли.

---

* Памятникъ былъ открытъ въ 1839 году.

** Въ нынѣшнее царствованіе эта духовная церемонія справляется 27го августа, потому что наканунѣ празднуется коронація.

Но лишенія переносились бодро. Нравственное вліяніе настоятельницы надъ сестрами начинало уже высказываться, и посѣтителей поражалъ духъ любви и мира который господствовалъ въ общинѣ. Все связывало между собой ея членовъ: общее призваніе, общіе труды и молитвы, общая привязанность къ „матушкѣ“, и легче было нести единодушно общія лишенія. Къ тому же „матушка“ поддерживала бодрость духа въ своихъ „птенцахъ“, какъ она ихъ называла, и если кого-нибудь изъ нихъ смущалъ недостатокъ средствъ она говорила:

— Господь не оставитъ, да и намъ ли жаловаться? Трапеза не затѣйлива, а за то каковъ хоръ!

XIV.

Однако сталъ распространяться далеко слухъ объ отшельницахъ и прибавлялось постоянно число посѣтителей Спасскаго общежитія. Кого не манилъ его храмъ? Преданія о Бородинскомъ полѣ были еще такъ свѣжи что врядъ ли нашлось бы въ Россіи семейство гдѣ оно не пробуждало бы воспоминанія славы или горькой утраты. Многіе предложили новорожденной общинѣ свое посильное пособіе. Ихъ имена поминаются до сихъ поръ за каждою обѣдней Спасо-Бородинской церкви, и благодаря ихъ щедрости община могла содержаться безбѣдно. *

Спустя три года послѣ ея утвержденія, Маргарита Михайловна поѣхала въ Троицкую Лавру, гдѣ застала митрополита Филарета. Она пожелала его видѣть и пошла въ его келью. Митрополитъ предложилъ ей принять малое постриже-

* Нынѣ средства Бородинской обители крайне скудны. Ей нечѣмъ даже содержать дьякона; но было время когда она находила сильную опору въ дворянствѣ и купечествѣ. Многіе пожелали остаться неизвѣстными, но до сихъ поръ еще братія поминаетъ съ глубокою признательностію имена П. П. Бекетова, князя В. В. Долгорукова, Е. П. Толстой, Н. А. Леонтевой, А. Г. Алексѣевой, И. В. Прохорова и двухъ его братьевъ, купца Занѣгина, купца Игумнова, который присылалъ ежегодно изъ Сибири свою дань обители, графини А. А. Орловой-Чесменской, княгини Т. В. Юсуповой, А. М. и Т. Б. Потемкиныхъ, графа Д. Н. Шереметева, графини Завадовской, графини Боргъ, графини А. Г. Толстой, Е. П. Набоковой, Ю. Ѳ. Барановой и наконецъ П. В. Голубкова.

ніе прибавляя что синодъ и императоръ согласятся несомненно обратить въ монастырь Спасское общежитіе. Неожиданность предложенія ее смутила: она не разчитывала на свои духовныя силы, но Филаретъ ее ободрилъ и вызвался постричь ее самъ. Она возвратилась на свою квартиру въ сильномъ волненіи; но время было дорого: слѣдовало приготовить все необходимое для постриженія, а взяться было нечѣмъ. Къ счастію собираясь въ Лавру она взяла съ собой для подарка нѣсколько кусковъ китайскаго чернаго крепа, и съ помощію монахинь пришедшихъ за сборомъ къ Троицѣ сшила апостольникъ, а митрополитъ далъ ей на счастіе свою рясу и келейную камилавку.

Совершился обрядъ постриженія, и Маргарита Михайловна возвратилась въ Бородино подъ именемъ инокини Меланіи, а въ началѣ 1838 года община была переименована въ Спасо-Бородинскій общежительный монастырь, возведенный на степень второкласснаго. Основательница просила также покойнаго императора утвердить въ вѣчный монастырскій доходъ ея пенсію, которую называла цѣною крови. Государь согласился, и сверхъ того пожертвовалъ 25.000 р. ассигнаціями на каменную ограду и на церковь съ трапезой.

Быстро преобразовался монастырь: около него возвысилась кирпичная стѣна съ четырьмя башнями. Въ одной изъ нихъ поставлена церковь посвященная имени Филарета Милостиваго, и трехъ-ярусная колокольня замѣнила столбики которые поддерживали колоколъ. Въ концѣ іюля 1839 года митрополитъ пріѣхалъ на освѣщеніе новаго храма и обошелъ съ крестнымъ ходомъ весь монастырь.

XV.

Маленькая Филаретовская церковь устроена на углу восточной и сѣверной стѣны, къ которому примыкаютъ двѣ небольшія галлереи или залы. Онѣ составляютъ часть самой церкви, такъ какъ иконостасъ ничѣмъ не огороженъ. Одна изъ этихъ залъ была превращена въ трапезу, другую называютъ „слушательною", потому что старшія сестры и больныя слушали отсюда церковную службу, а въ трапезной, куда обращены царскія двери, молились младшія монахини.

У одной стѣны „слушательной" стоитъ и теперь плащаница

надъ которою возвышается Роспятіе, около другой стояли шкапы съ монастырскою библіотекой. Эта комната примыкаетъ стеклянною дверью къ зимнимъ настоятельскимъ кельямъ. Маргарита Михайловна не могла уже по слабости здоровья ходить морозною ночью въ церковь и переселялась обыкновенно послѣ Воздвиженья въ Филаретовскій корпусъ. Тамъ, за исключеніемъ поминальныхъ дней, правили службу зимой. А въ маѣ, лишь только показывалось теплое солнце, настоятельница переходила опять въ свою любимую сторожку и братія собиралась въ Спасскій храмъ для ежедневныхъ молитвъ.

Обитель была не богата, но Маргарита Михайловна умѣла вести хозяйство, и благодаря водворенному ею порядку рѣдко нуждались сестры. Бѣдныя получали отъ нея холстъ, обувь, одежду, дрова, свѣчи, мыло, чай и сахаръ. Были устроены хуторъ и скотный дворъ на землѣ пожертвованной монастырю. Многія изъ монахинь обучались разнымъ мастерствамъ: пряли, ткали, красили холстъ и сукно, шили рясы, теплыя одежды, обувь, переплетали книги, занимались малярною работой и даже иконописью. Каждая служила другимъ своимъ посильнымъ трудомъ, но принимать другъ отъ друга денежную плату строго запрещено. Сестры жили между собою какъ члены одной семьи. Настоятельница образовала, въ полномъ смыслѣ слова, христіанскую общину. Число инокинь умножилось до двухсотъ и, нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ между ними были достойны уваженія, но общій духъ обители напоминалъ времена первыхъ христіанъ. Бородинскія монахини переселившіяся теперь въ другіе монастыри долго не могли сродниться съ новымъ образомъ жизни, какъ мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между прочимъ одна мнѣ говорила: „Тамъ мы жили душа въ душу, не даромъ называли другъ друга сестрами: у кого горе, такъ и всѣмъ горе, у кого радость, такъ и всѣмъ радость. А здѣсь всякая сама по себѣ; послужить ли чѣмъ другъ дружкѣ, такъ сперва въ цѣнѣ уговариваются,—а намъ это дико.“

Маргарита Михайловна поняла въ широкомъ смыслѣ и свое и ихъ призваніе, и несла долю искушеній, скорбей и лишеній тѣхъ которыя называли ее матерью.

„Мнѣ ли дерзать словомъ апостола изъяснять мои чувства, пишетъ она къ одной изъ сестеръ, которая была въ

отъѣздѣ и довѣряла ей свои душевныя тревоги,—но воистину кто изъ васъ изнемогаетъ, и я изнемогаю съ тою."

Свято исполняла она материнскія обязанности и внесла въ свои вѣрованія и новое призваніе всю свою душевную горячность. Она была главой монастыря и требовала строгаго соблюденія монастырскихъ правилъ, но не облекала религіи въ суровый характеръ, и не запрещала монахинямъ невинныхъ удовольствій и бесѣдъ. Многіе обвиняли ее въ излишнемъ снисхожденіи къ братіи и она отвѣчала обыкновенно:

— Насколько любимъ начальникъ обители, настолько онъ и полезенъ. Его строгость не исправляетъ никого, но ожесточаетъ и учитъ лукавству и лжи. Грѣхъ находитъ прощеніе у Бога, но злоба и ненависть отдаляютъ отъ Него человѣка, и горе тому кто внушилъ ихъ другому.

Когда ей доводилось дѣлать строгій выговоръ которой-нибудь изъ своихъ духовныхъ дочерей, она объяснялась съ виновною въ своей кельи, съ глазу на глазъ, при запертыхъ дверяхъ.

— А мы къ ней шли словно на исповѣдь, говорятъ сестры,—и въ голову не приходило что-нибудь отъ нея утаить.

Во время ея игуменства, нѣсколько монахинь, черезчуръ неуживчивыя, оставили монастырь, но возвратились въ него почти всѣ. Не съ гнѣвомъ и не съ жесткими словами отпускала ихъ Маргарита Михайловна, а со слезами и благословеніемъ. Она ихъ снабжала совѣтами, а если требовалось, и деньгами, и старалась не терять ихъ изъ виду, гдѣ бы онѣ ни находились. Одна изъ нихъ встрѣтилась въ Москвѣ съ бородинскою послушницей, которая увѣдомила о томъ настоятельницу и настоятельница пишетъ ей въ отвѣтъ:

„Ничего я такъ не желала и не желаю какъ видѣть ее счастливою. Обними ее за меня."

А какая радость когда онѣ возвращались подъ крылышко Маргариты Михайловны!

— А! вернулась-таки, бѣглянка, говорила она, весело обнимая ее,—вернулась на пригрѣтое мѣстечко!

Она уводила ее къ себѣ, угощала, разспрашивала какъ жилось ей на чужбинѣ и требовала чтобы вся братія приняла ласково „бѣглянку", и чтобы никто не оскорбилъ ее неумѣстнымъ намекомъ. Иныя уходили изъ монастыря и возвраща-

лись до двухъ и даже до трехъ разъ и находили всегда въ его стѣнахъ тотъ же радушный пріемъ.

Трогательное повѣрье образовалось между монахинями по поводу этихъ приливовъ и отливовъ:

— Если которая-нибудь изъ насъ уходила, говорятъ онѣ,— мы знали напередъ что не надолго, что нигдѣ не придется ей свить себѣ гнѣздышка, а все будетъ ее тянуть въ родимое Бородино, потому что молитвы матушки о каждой изъ ея духовныхъ дочерей крѣпко насъ связывали съ обителью.

Для слабостей и прегрѣшеній другихъ Маргарита Михайловна искала извиненій которыхъ не находила для своихъ собственныхъ и была строга лишь только къ себѣ. Приведемъ здѣсь остроумное слово митрополита Филарета, которое она вызвала скромнымъ о себѣ мнѣніемъ. Разъ, бывъ уже игуменьей, она пріѣхала къ митрополиту. Онъ освѣдомился о монастырѣ и спросилъ довольна ли она братіей?

— Слава Богу, владыко, отвѣчала она,—такія онѣ у меня славныя, такія добрыя! Жаловаться мнѣ не на кого, да въ томъ бѣда что я-то такая грѣшная!

Онъ взглянулъ на нее съ улыбкою, потомъ обратился къ образу висѣвшему въ углу его комнаты и перекрестился.

— Благодарю Господа, сказалъ онъ,—наконецъ-то въ моей епархіи нашлась грѣшная игуменья, а то съ кѣмъ ни поговори—всѣ святыя. *

Выше другихъ христіанскихъ доблестей она ставила любовь и милосердіе, не карала падшаго, но протягивала ему руку помощи. Разъ вошла въ ея келью и стала молча у дверей женщина не первой уже молодости, но замѣчательной еще красоты. Маргарита Михайловна спросила у нея чего она желаетъ.

— Я пришла къ вамъ, отвѣчала незнакомка,—можетъ вы однѣ меня не отвергнете... Можетъ-быть вы примете меня въ вашу обитель...

— Очень охотно приму: сядьте, и мы переговоримъ.

— Но вы не знаете, начала опять бѣдная женщина, не двигаясь съ своего мѣста, и голосъ ея задрожалъ,—вы не знаете что я грѣшница... даже мое семейство отказалось отъ меня.

* Келейникъ митрополита находился въ его комнатахъ во время посѣщенія Маргариты Михайловны и передалъ этотъ анекдотъ одной изъ бывшихъ бородинскихъ монахинь.

Она зарыдала. Маргарита Михайловна бросилась къ ней и обняла ее.

— Спаситель пришелъ призвать къ покаянію грѣшниковъ, а не праведниковъ, сказала она,—и помилуетъ васъ. Останьтесь съ нами.

Она посадила ее возлѣ себя, ободрила ласковыми словами, выслушала грустную ея исповѣдь и потребовала чтобы тайна этой исповѣди осталась между ними. Всѣми отвергнутая женщина поселилась въ монастырѣ и приняла постриженіе, а въ послѣдствіи схиму. Маргарита Михайловна сдѣлалась ея другомъ, руководительницей, матерью, и кающаяся грѣшница воскресла къ новой жизни, подъ благотворнымъ вліяніемъ любви и вѣры. Свою спасительницу она пережила нѣсколькими годами, и предъ кончиной повѣрила другимъ печальную повѣсть прошлаго.

Въ первые годы своей пустынной жизни Маргарита Михайловна носила вериги, но здоровье ея начало сильно страдать и митрополитъ потребовалъ чтобъ она ихъ сняла. Она повиновалась, однако оставила за собой право возлагать ихъ на себя въ данномъ случаѣ. Если между сестрами возникалъ раздоръ или которая-нибудь изъ нихъ приходила къ ней съ тяжкимъ признаніемъ, „молитесь", говорила она, „и я буду съ вами молиться", и она надѣвала опять вериги и казнила себя за чужія прегрѣшенія. На эти прегрѣшенія она смотрѣла какъ на свои собственныя: между дѣтьми и матерью все общее, а она была мать.

Всѣ подчинялись ея нравственному вліянію и готовы были на все лишь бы порадовать „матушку". Отношенія ея къ братіи явственно высказываются въ письмахъ Маргариты Михайловны: голоса начальницы въ нихъ рѣшительно не слыхать, но, какъ мать, она журитъ и ласкаетъ. По выраженію лицъ она угадывала если что-нибудь тревожило или огорчало какую-нибудь изъ монахинь, и когда не могла за недосугомъ объясниться съ ней, немедленно писала ей изъ своей кельи нѣсколько дружескихъ словъ. Приводимъ здѣсь одну изъ ея записокъ.

„Дунюшка, я тебя звала, примѣтя въ тебѣ что-то необыкновенное, но ты, не знаю почему, осталась *при себѣ*....

„Завтра непремѣнно приди ко мнѣ послѣ утрени."

Была въ обители послушница очень еще молоденькая,

которая позволяла себѣ разныя дѣтскія выходки. Маргарита Михайловна къ ней пишетъ:

„Другъ мой, не хорошо, вопреки монахини которая тебя останавливала, класть поклоны гдѣ не показано, ты какъ будто нарочно не переставала ихъ метать и въ поясъ и въ землю. Сіе не есть дѣло скромной послушницы, а шалунъ кадетскаго корпуса могъ бы сіе допустить, но и того бы за уши выдрали. И еще не хорошо что въ трапезу не ходишь *. Развѣ ради Христа и это трудно? Мнѣ казалось что ради Его и дурное покажется сладкимъ, а хлѣбъ трапезный не дуренъ."

Она проситъ больную монахиню которая ѣздила въ Москву чтобы посовѣтоваться съ докторомъ не жалѣть денегъ на лѣченіе и беречь себя: „довольно", говоритъ она, „сердце болитъ, смотря на страждущую Смарагду, не прибавляй ему новой скорби." Она посылаетъ ей денегъ, обѣщается прислать еще какъ скоро сама получитъ и прибавляетъ: „не знаешь ли ты издавна что *моя твоя суть*", а въ другомъ письмѣ: „ты знаешь что я *ваша*, что я вамъ всѣмъ принадлежу, что я тебя люблю. Ты все это постигаешь, слѣдовательно будь покойна."

Она сообщаетъ отсутствующей монастырскія извѣстія, и передаетъ ей поклоны сестеръ. Вездѣ материнскій голосъ, вездѣ та же заботливость, та же любовь.

XVI.

По мѣрѣ того какъ умножалась братія, застраивался монастырь. Густо разрослись въ немъ деревья и предъ каждою келейкой красовались кусты розановъ, жасмина и сирени. Заглянемъ въ обитель среди жаркаго лѣтняго дня. Отошла обѣдня; многія сестры работаютъ, сидя на крылечкахъ или балконахъ своихъ келлій, и раздаются звонкіе голоса клирошанокъ которыя спѣваются въ трапезной. Около палисадниковъ бродитъ общая фаворитка, старая гнѣдая лошадь, и на зовъ: Любимецъ! Любимецъ! идетъ то къ одному, то къ другому окну и принимаетъ изъ рукъ монахинь хлѣбъ, который приносятъ нарочно для нея изъ трапезы. Это верховая лошадка Коли: она доживаетъ также свой вѣкъ у его могилы.

* Однимъ только больнымъ позволялось обѣдать въ кельяхъ.

Навернулись слезы на глазахъ у Маргариты Михайловны когда она узнала что Любимецъ палъ. Она вынула изъ своего комода три простыни и отдала ихъ монахинямъ, съ просьбой завернуть его и похоронить за монастырскою оградой.

Мадамъ Бувье хлопочетъ около огромной клѣтки или птичника, въ которомъ прыгаетъ и поетъ обширное семейство канареекъ.

— Je vais aussi voir ma nichée *, говоритъ ей Маргарита Михайловна, спускаясь съ крылечка своего домика,—j'ai des oisillons malades **.

И она идетъ по широкому монастырскому двору такимъ быстрымъ шагомъ что келейная монахиня съ трудомъ за ней поспѣваетъ. Погладивъ посѣдѣвшую морду Любимца, она останавливается около дѣвочекъ, которыя играютъ у тропинки.

— А что̀ же, выучили *Отче нашъ?* спрашиваетъ она, и выслушавъ отъ нихъ молитву, раздѣляетъ между ними просфору и идетъ къ больнымъ.

На возвратномъ пути она вдругъ останавливается: клирошанки продолжаютъ спѣваться, и фальшивая нота непріятно поразила ея чуткій слухъ.

— Фальшиво! фальшиво! кричитъ она, и подбѣгаетъ къ окну трапезной.—Начните опять!

Раздается снова пѣніе на минуту прерванное, а Маргарита Михайловна стоитъ подъ окномъ и слушаетъ. Поютъ псаломъ по Турчаниновскому напѣву, который она ввела въ монастырь. Вдругъ она вбѣгаетъ въ трапезу, сердито хватаетъ и теребитъ за рукавъ клирошанку.

— Опять! кричитъ она:—точно мнѣ ножомъ по ушамъ провела! А все отъ лѣни, отъ нерадѣнья! Голосъ у тебя хорошъ и слухъ вѣренъ, да поработать надъ собой не хочешь, вотъ въ чемъ дѣло. Начните опять!

И она поетъ съ ними сама; голосъ ея еще мягокъ и звученъ. Концертъ оканчивается благополучно, и настоятельница обращается къ провинившейся монашенкѣ:

— Что̀ носъ-то повѣсила? говоритъ она.—Приходи ко мнѣ вечеромъ хорошенькаго чаю напиться: онъ очищаетъ голосъ.

---

* Я иду также взглянуть на мое гнѣздо.

** У меня больные птенцы.

У крыльца сторожки ждутъ просители. Маргарита Михайловна объявляетъ одному что Богъ ей помогъ пристроить въ богадѣльню его отца, другому что писала объ его дѣлѣ въ Москву и ждетъ отвѣта, и выслушавъ новыя просьбы спрашиваетъ у мужичка стоявшаго позади другихъ:

— А ты что, Михаилъ?

— Ужь очень я доволенъ твоей милостью, отвѣчалъ онъ,— ходилъ я въ Москву и принесъ тебѣ гостинца: не побрезгай.

И онъ подаетъ ей бумажный клѣтчатый платокъ.

— Какой славный! говоритъ Маргарита Михайловна, и повязавъ его сверхъ своей шапочки, продолжаетъ обращаясь къ монахинямъ проходящимъ мимо:

— Посмотрите-ка какой я подарокъ получила!

Просіяло лицо Михайлы.

— Вотъ еще я тебѣ принесъ, начинаетъ онъ опять, вынимая изъ-за пазухи связку бубликовъ,—кушай на здоровье.

— И за бублики тебѣ спасибо: я до нихъ охотница, да не забудь поклониться отъ меня своей женѣ, а теперь милости прошу васъ всѣхъ къ намъ на кухню пообѣдать.

Съ этими словами она входитъ въ свои комнатки, и ее провожаютъ благословенія и молитвы объ ея здравіи.

XVII.

Черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ Наполеоновскаго нашествія, русскія войска собирались на Бородинское поле для открытія памятника воздвигнутаго въ честь воиновъ которымъ оно служитъ кладбищемъ. За недѣлю до 26го августа пріѣхалъ сюда же императоръ Николай съ нѣсколькими членами царскаго семейства и свитой. Военная музыка, пальба и видъ войска выстроеннаго на полѣ потрясли чуткій организмъ Маргариты Михайловны. Живо напоминали они ей знаменитый Бородинскій день, котораго она не видала, но который, въ продолженіе столькихъ лѣтъ мерещился ей такъ часто во снѣ. Въ ней обнаружилось лихорадочное состояніе, однако она старалась превозмочь недугъ и принимала государя и членовъ Императорскаго дома, которые осматривали монастырь и посѣтили ее. Они ей оказывали постоянное уваже-

ніе и расположеніе дружеское. * Государь пригласилъ ее присутствовать при соборной панихидѣ и благодарственномъ молебнѣ въ день открытія памятника. Она отказывалась, боясь что испытаніе превыситъ ея силы, но императоръ настаивалъ: ему хотѣлось видѣть на предстоящемъ торжествѣ оставшихся дѣятелей Отечественной войны.

— Пріѣзжайте, говорилъ онъ,—мы помолимся вмѣстѣ: вашу молитву услышитъ Богъ.

Она уступила его просьбамъ и обѣщала пріѣхать въ назначенный часъ.

Между тѣмъ приготовленія шли своимъ чередомъ. Легко понять какъ дѣйствовалъ на воиновъ Двѣнадцатаго года видъ поля на которомъ они отражали непріятеля четверть вѣка тому назадъ. Они отыскивали со слезами на глазахъ тѣ мѣста гдѣ заряжали свои пушки, гдѣ пали ихъ братья. Но поле битвы до такой степени измѣнилось что трудно было узнать его, и монахини указывали старымъ воинамъ остатки укрѣпленій на которыхъ стояли орудія.

Воспоминанія отдаленнаго прошлаго оживляли сердца стариковъ: многіе повторяли стихи изъ *Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ.* Самъ пѣвецъ, погруженный мыслями въ былое, бродилъ по Бородинскому полю. Онъ описалъ намъ церемонію открытія памятника: послушаемъ его.

„Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ поднималась столпами. Войска (около ста пятидесяти тысячъ) были рано по утру сведены на мѣста имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы коего лежитъ Багратіонъ, на коемъ *тогда* происходила самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которомъ гремѣло болѣе двухсотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ наконецъ все перемѣшались въ рукопашной, убійственной свалкѣ. Войска,

* Она была въ 1840 году воспреемницей нынѣ царствующей Государыни Императрицы и вела съ ней переписку до своей кончины. Въ 1848 году она была опять вызвана въ Петербургъ для мѵропомазанія Великой Княгини Александры Іосифовны.

видимыя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть стопятидесятитысячную армію сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой подымались. Пѣхота была неподвижна; по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею, поднявшеюся щетиной огромнаго боеваго чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами какъ черная громовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ими особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукой, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ, одинъ на землѣ Бородинской, величественно-тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовью одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благовонною жатвой. Другіе бородинскіе воины, еще находящіеся на службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фронтомъ внѣ ограды. Явился государь, проскакалъ мимо колоннъ; грянуло повсемѣстное *ура*, и вдругъ все утихло: отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы и позади всѣхъ преосвященный митрополитъ московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, предъ которымъ былъ воздвигнутъ олтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ олтарю, тишина невыразимая водарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставъ въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно.“ *

* Отрывокъ изъ письма Жуковскаго къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Тутъ подъѣхала и остановилась недалеко отъ памятника карета. Изъ нея вышла блѣдная, переступая чрезъ силу, Маргарита Михайловна; въ ея лицѣ не было кровинки. Двѣ монахини слѣдовали за ней. Братъ ея мужа, Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, подалъ ей руку и провелъ ее на устроенное противъ монумента возвышеніе обнесенное рѣшеткой и назначенное для дѣятелей Отечественной войны. Государь подъѣхалъ къ оградѣ и протянулъ руку бородинской вдовѣ:

— Кланяюсь вашему превосходительству, сказалъ онъ,— грустенъ для васъ этотъ великій день. Раздѣляю вашу скорбь. Да поможетъ вамъ Господь.

И онъ прибавилъ обращаясь къ иностраннымъ принцамъ своей свиты:

— Voici la respectable veuve du brave général Toutchkoff; elle a pris l'initiative sur moi en élevant ici un monument immortel. *

Послѣ водосвятія началась панихида, потомъ загремѣли пушки. Замирало сердце Маргариты Михайловны; она держала съ трудомъ свѣчу дрожавшую въ ея рукѣ. Все стихло снова, хоръ запѣлъ: „Тебе, Бога, хвалимъ“, и всѣ опустились на колѣни. По окончаніи благодарственнаго молебна, митрополитъ окропилъ памятникъ святою водой, и крестный ходъ удалился. Государь во главѣ арміи проѣхалъ мимо памятника и отдалъ ему первый честь.

Маргарита Михайловна поспѣшила возвратиться въ монастырь: силы окончательно ей измѣнили. На другой день у нея открылась нервная горячка.

XVIII.

Все засуетилось въ монастырѣ: сестры съ озабоченными лицами сообщали другъ дружкѣ извѣстія о здоровьѣ „матушки“. Она лежала безъ памяти. Императоръ присылалъ къ ней своего медика, который осмотрѣвъ больную долго говорилъ съ Павломъ Алексѣевичемъ. Поскакали въ городъ за лѣкарствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней она была въ опасности; наконецъ, лихорадочное состояніе ее покинуло и Маргарита Михайловна пришла въ себя.

* Вотъ почтенная вдова храбраго генерала Тучкова; она предупредила меня воздвигнувъ здѣсь безсмертный памятникъ.

Она носила въ сердцѣ горе о которомъ намъ не довелось еще говорить. Одинъ изъ ея братьевъ, горячо ею любимый, былъ замѣшанъ въ заговорѣ который разыгрался на Петербургской площади въ 25мъ году. Судъ приговорилъ виновнаго къ Сибири. Маргарита Михайловна получила извѣстіе о его ссылкѣ въ то время когда плакала надъ свѣжею могилой сына и предъ одною скорбью поблѣднѣла другая. Но между тѣмъ какъ время смягчало горе матери, оно оживляло горе сестры. По мѣрѣ того какъ она приходила въ нормальное состояніе, прежнія привязанности, поглощенныя первыми минутами ея отчаянія, вступали опять въ свои права. Сердце ея сжималось болѣзненно при мысли о другѣ ея дѣтства, она говорила съ горечью что простилась съ нимъ заживо, вела постоянную переписку со ссыльнымъ и не распечатывала никогда безъ слезъ его писемъ.

Однако Бородинскіе маневры подходили къ концу, и государь пожелалъ предъ отъѣздомъ проститься съ настоятельницей.

Между тѣмъ какъ монахини толпились около палисадниковъ и келлій чтобы взглянуть на него еще разъ, мадамъ Бувье встрѣтила его на крылечкѣ. Онъ ее привѣтствовалъ какъ старую знакомую и пожалъ ея руку.

— Eh bien, comment ça va-t-il, Madame Bouviers? * спросилъ онъ.

— Bien à présent, grâce à Dieu, Sire, отвѣчала старушка,— mais prenez garde à nos portes basses: elles ne sont point pour votre taille. **

Онъ низко наклонилъ голову и вошелъ въ сторожку.

Больная приняла его полулежа въ постели. Императоръ, разспросивъ съ участіемъ о ея здоровьѣ, сѣлъ около нея и поцѣловалъ ея руку, которую удержалъ въ своихъ.

— Я былъ бы счастливъ, сказалъ онъ,—еслибы могъ исполнить какое-нибудь изъ вашихъ желаній: не нуждается ли въ чемъ монастырь? Прикажите и все будетъ сдѣлано.

Слеза блеснула въ ея глазахъ и слабый ея голосъ задрожалъ:

— Ваше величество, молвила она,—что̀ вы можете сдѣлать

* Ну, что̀ у васъ дѣлается, мадамъ Бувье?

** Благодаря Бога теперь все хорошо, ваше величество, но остерегитесь: наши низкія двери не по вашему росту.

для монастыря, то могутъ сдѣлать для него и другіе, но есть у меня просьба.... Вы одни въ мірѣ можете ее исполнить.... простите брата.

Эти неожиданныя слова его смутили; онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ ея блѣдную руку и отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Позвольте мнѣ подумать, Маргарита Михайловна.

XIX.

Прошло нѣсколько времени.

Звучно гудѣлъ монастырскій колоколъ и Маргарита Михайловна во главѣ всей братіи вошла во храмъ. Лицо ея сіяло выраженіемъ радости, отъ котораго оно давно отвыкло, и та же радость какъ въ вѣрномъ зеркалѣ отражалась на лицахъ сестеръ. „Матушка" получила извѣстіе о прощеніи своего брата, и всѣ пришли семейно слушать благодарственный молебенъ.

Но не скоро еще довелось ей обнять ссыльнаго: разныя обстоятельства замедлили его возвращеніе. Наконецъ пришло давно желанное письмо: Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ былъ уже на пути въ Высокое, тульское имѣніе своей жены.*

И Маргарита Михайловна собралась въ Высокое. Закипѣли приготовленія къ отъѣзду, среди радостнаго говора монахинь. „Матушка" ихъ торопитъ, помогаетъ имъ укладываться и утираетъ отъ времени до времени слезы набѣгающія на ея глаза Но все готово: стоитъ предъ крыльцомъ сторожки тяжелая карета заложенная шестерикомъ. Сестры приняли послѣднее благословеніе Маргариты Михайловны, которая усѣлась въ экипажъ съ двумя келейницами. Всѣ перекрестились примолвивъ: съ Богомъ! и лошади выѣхали изъ монастырскихъ воротъ.

До́лги показались путешественницѣ триста верстъ отдѣлявшія ее отъ Тульскаго уѣзда. Но вотъ наконецъ и Высокое; въѣзжаютъ въ длинную аллею ведущую къ усадьбѣ. „Скорѣй, скорѣй!" повторяетъ Маргарита Михайловна высовывая то и дѣло голову въ опущенное стекло, и кучеръ ударилъ по

---

* Онъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Коновницыной.

лошадямъ. Но вдругъ чей-то голосъ крикнулъ: Стой! Шестерикъ остановился, быстро отпирается дверца кареты, и Маргарита Михайловна, не дождавшись чтобъ была опущена подножка, бросается въ объятія брата.

XX.

Съ тѣхъ поръ ея жизнь раздѣленная между воспоминаніями прошлаго и дѣятельностію игуменской потекла ровно и однообразно. Мирно жилось Маргарита Михайловнѣ среди обширной семьи сестеръ, и ихъ любовь согрѣвала ея сердце и привязывала ее все тѣснѣе къ обители. Но замѣчательно что подъ своею камилавкой и монашескою мантіей она сохранила до конца жизни типъ одинаково симпатичный и въ молодой женщинѣ и въ старухѣ, типъ который Французы называютъ: „la femme distinguée“. Когда она покидала на время монастырь чтобъ явиться ко двору или въ аристократическую гостиную, гдѣ встрѣчала давно знакомыя лица, то плѣняла всѣхъ, какъ и въ старые годы, своею блестящею рѣчью и изяществомъ своихъ пріемовъ. Она была когда-то слишкомъ тѣсно связана съ заботами и вопросами волнующими общество чтобы сдѣлаться имъ чуждой и пользовалась всегда съ удовольствіемъ рѣдкой возможностью удовлетворить тѣ умственныя способности которыя не находили пищи въ стѣнахъ ея обители.

Одно изъ ея путешествій въ Петербургъ памятно крестьянамъ деревни Семеновской.

„Дорога-то была просто бѣдовая, разказывалъ мнѣ мужичокъ, сугробъ на сугробѣ, а ужь у насъ, какъ есть, проѣзда нѣтъ никакого. Матушкинъ шестерикъ какъ къ намъ въѣхалъ тутъ и засѣлъ съ возкомъ. Мы всѣ сбѣжались; а она, родимая, опустила стекло и говоритъ:

„— Помогите дѣтушки, вытащите возокъ, а я бы въ вашихъ саняхъ на дорогу выѣхала.

„— Сыточное ли, говоримъ, дѣло, голубушка наша, кормилица наша, чтобъ мы тебя допустили въ наши сани пересѣсть? Ужь ты дай намъ только волю; мы все справимъ.

„Побѣжали, кто за лопатой, кто за веревками,—вѣдь всякому тоже лестно было ей послужить,—и живо принялись мы за дѣло. Отложили лошадей, дорогу кое-гдѣ разчистили, вы-

тащили возокъ, да сами въ него впряглись и вывезли ее на себѣ, мою матушку, ужъ что она тамъ ни говорила. А какъ заложили опять лошадей и отъѣхала она, такъ долго мы тутъ стояли да крестились и Бога молили чтобы далъ Онъ ей путь-дороженьку.“

Не даромъ внушала Маргарита Михайловна такую привязанность. Въ минуту вспыльчивости она могла сказать много лишняго и позволяла себѣ рѣзкія выходки, которыя старалась немедленно загладить. Но никогда не оскорбила она хладнокровно кого бы то ни было. Несмотря на всѣ свои усилія она не могла преодолѣть въ себѣ брезгливость, за которую ее бранили еще въ молодости. Но эту слабость она старалась подавить въ присутствіи людей которыхъ могла ею оскорбить. Являлись ли къ ней больные за медицинскимъ пособіемъ,—она принуждала себя смотрѣть на отвратительныя раны или заставляла крестьянку развязывать при ней грязныя пеленки, чтобы взглянуть на сыпь отъ которой страдалъ ребенокъ. Но отпустивъ бѣдныхъ людей она бросалась въ свою спальню, умывала руки душистымъ мыломъ и окропляла себя одеколономъ. Приходилъ ли къ ней зимнею порой мужичокъ изъ сосѣдней деревни,—Маргарита Михайловна сажала его возлѣ себя, выслушивала его просьбу, приказывала подать ему чаю или рюмку вина, чтобъ онъ отогрѣлся, и переносила, скрѣпя сердце, запахъ дегтя занесеннаго на ногахъ, или бараньяго тулупа. Но по уходѣ гостя она звала свою келейницу.

— Серафима, отвори немного дверь, да покури поскорѣй. Вѣдь вотъ какая я негодная, прибавляла Маргарита Михайловна,—они, бѣдные, обращаются ко мнѣ отъ добраго сердца, и какъ любятъ меня, а я смѣю ими брезговать!

„Иной разъ, разказываютъ монахини, мы видимъ что матушкѣ не въ терпежъ, а доказать не смѣемъ, знаемъ что она за это гнѣваться будетъ; скажетъ: За что ты бѣднаго человѣка обидѣла?“

XXI

Около года спустя послѣ Бородинскихъ маневровъ она ѣздила въ Москву, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о ея постриженіи въ мантію и о возведеніи ея въ санъ игуменьи. Изъ Москвы она писала къ Бородинской братіи:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Всѣ возлюбленныя сестры и матери: Платонида, Маргарита, Исидора, Антонина, Тавиѳа, Екатерина, Софія, Пелагея, Елисавета, Серафима, Олимпіада, Марія, Паисія, Меѳодія, Агнія, Ангелина, Магдалина, Іуліанія, Анастасія, Евпраксія, Константина, Клавдія, Любовь, Максимина, Маврикія, Маргарита, Филарета, Христофора и всѣ прочія, которыхъ имена всѣ предъ Богомъ, и поминаемы мною ежедневно, припадаю къ вамъ, испрашивая вашихъ молитвъ. Приближается время моего постриженія, мѣсто избрано въ Лаврѣ для избѣжанія многолюдства. Простите меня всѣ, и отъ добрыхъ сердецъ вашихъ воззовите ко Господу о спасеніи грѣшной моей души, теплою молитвой. Простите ради Господа, если кого оскорбила, простите какъ прощаютъ умершему, и вѣрьте слову моему что всѣхъ васъ ношу въ сердцѣ моемъ.

„Маргарита, Меланія."

На возвратномъ пути она пишетъ опять изъ Москвы:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй меня грѣшную.

„Возлюбленныя сестры!

„Слава Богу о всемъ! Я вамъ теперь крѣпостная слуга. Пострадавъ нѣсколько дней въ разлукѣ съ вами, коихъ люблю сердечно, вижу наконецъ приближающійся день соединенія. Все совершилось. Владыка отецъ мой снялъ власы съ главы моей. Постриженіе было 28го, во время всенощной, на день Святыхъ Апостолъ. * Соборъ былъ освѣщенъ какъ слѣдуетъ въ день праздничный. Митрополитъ самъ служилъ. Три раза я была распростерта на земли крестообразно во все время тропаря „Объятія отча", повторяемаго при каждомъ крестообразномъ долулежаніи. Владыка былъ тронутъ до слезъ, которыя останавливали его рѣчи. Въ соборѣ, у раки святаго угодника, при множествѣ святыхъ поклонниковъ... Я не могу описать моего душевнаго состоянія, особенно когда послѣ окончанія владыка взялъ меня за руку и привелъ къ святому преподобному Сергію, которому отеческимъ словомъ препоручилъ меня! Послѣ цѣлованія святыхъ мощей я пала въ ноги отцу-владыкѣ... и осталась на всю ночь въ соборѣ въ томъ одѣяніи какъ постриглась, даже на босу ногу, какъ была. На другой день меня посвятили въ игуменіи и посвящали какъ

* 28го іюня 1840 года.

во діаконъ: * повели... повелите... и *аксіосъ, аксіосъ!* подавала блюдо для омовенія, съ полотенцемъ на плечѣ... Обыкновенно: посохъ дали... и все тутъ. Паси овцы моя!... О, Боже! мнѣ ли пасти? Сестры монахини, сестры старшія! Софія, Екатерина, Пелагея, Олимпіада, Елисавета, я у ногъ вашихъ: обнимите меня. Сестры младшія, любите любящую васъ всѣхъ! Простите, немного оправлюсь и пріѣду къ сердцу вашему, къ сердцу моему.

„Навсегда ваша сестра
„игуменія Марія грѣшная."

Это письмо, адресованное на имя монахини которая въ отсутствіи настоятельницы правила монастыремъ, было прочтено вслухъ за трапезой, какъ сообщаются обыкновенно братіи всѣ важныя извѣстія. Оно вызвало общую радость и всѣ пожелали единодушно отслужить благодарственный молебенъ. Когда же второе письмо возвѣстило о днѣ возвращенія игуменьи, стали хлопотать о пріемѣ который ей готовили. Чтобы придать болѣе торжества этому семейному празднику пригласили можайскаго протоіерея „встрѣтить матушку". Въ назначенный день монахини стерегли съ утра приближеніе игуменской кареты. Молоденькія сестры рвали въ палисадникахъ цвѣты и устилали ими путь отъ святыхъ воротъ до соборной церкви, гдѣ готовились отслужить молебенъ. Лишь только увидали издали приближающійся экипажъ, монастырскій колоколъ загудѣлъ и духовенство въ праздничномъ облаченіи вышло къ воротамъ. Протоіерей держалъ крестъ, монастырскій іеромонахъ икону, а дьяконъ кадильницу. За ними шли клирошанки, а за клирошанками остальная братія.

Маргарита или Марія съ посохомъ въ рукѣ и облеченная въ длинную мантію вышла изъ кареты у святыхъ воротъ. Отшельницы поклонились ей въ ноги: всѣ плакали. Заплакала и игуменья; она поклонилась имъ, въ свою очередь, низкимъ поклономъ и хоръ запѣлъ: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра".

XXII.

Несмотря на обязанности которыя она исполняла такъ добросовѣстно, такъ неутомимо, несмотря на годы протекшіе съ минуты ея утратъ, горе ея не вымирало, хотя время

* По древнему чину посвященія.

измѣнило его характеръ. Не дано забвенье глубокимъ природамъ. Когда она казалась вполнѣ погружена въ заботы о своей обители, достаточно было незначащаго обстоятельства или пустаго слова чтобъ оживить всю ея скорбь. Отпѣванья она не могла слышать, чтобъ ей не мерещился бѣлый гробъ въ которомъ лежалъ хорошенькій пятнадцатилѣтній мальчикъ. Когда въ монастырѣ были похороны она приказывала монахинямъ сравнивать могилы и обозначать ихъ мѣсто кирпичами выложенными крестомъ: насыпи напоминали ей слишкомъ живо курганы которые возвышались когда-то на Бородинскомъ полѣ надъ сожженными костями убіенныхъ. Лишь въ послѣдніе годы своей жизни она преодолѣла тяжелое впечатлѣніе и привыкла смотрѣть на могильныя насыпи.

Гробъ ея сына былъ заколоченъ въ ящикъ и поставленъ въ склепъ устроенный подъ Спасскою церковью. Въ этотъ склепъ Марья Михайловна сходила каждое утро и проводила тамъ около часа. Но случалось иногда что урочный часъ проходилъ и время длилось пока наконецъ монахини, испуганныя ея долгимъ отсутствіемъ, спускались въ свою очередь по узкой лѣстницѣ подземнаго хода и находили Марью Михайловну лежавшую безъ чувствъ около гроба. Сестры опасались что ея организмъ пострадаетъ наконецъ отъ этихъ постоянныхъ потрясеній и обратились съ жалобою къ митрополиту. Онъ воспользовался назначеніемъ ея въ игуменьи чтобы склонить на жертву, которую требовалъ отъ нея.

— Вы отвѣчаете теперь предъ Богомъ и вашею совѣстью, говорилъ онъ ей,—за ввѣренную вамъ паству: вы посвятили себя всецѣло великимъ обязанностямъ, но личныя ваши чувства слишкомъ васъ поглощаютъ: принесите ихъ въ жертву долгу. Молитесь за усопшихъ, но не лелѣйте своего горя, а наоборотъ, отдалите отъ себя все что̀ васъ наводитъ на воспоминанія о прошломъ.

Онъ потребовалъ чтобъ она больше не ходила на могилу сына и истребила вещи принадлежавшія ему и его отцу.

Не безъ борьбы согласилась Марья Михайловна исполнить его желаніе; а согласилась однако, хотя не безусловно. На другой же день послѣ своего возвращенія изъ Лавры она спустилась въ склепъ для послѣдняго прощанія съ гробомъ сына. Истребить вещей которыя напоминали ей такъ живо скорби и радости жены и матери она была не въ силахъ, и искала отраду въ мысли что онѣ уцѣлѣли, хотя она ихъ уже не

видить. Принесли въ ея комнату сундукъ, куда она уложила платья мужа, чашку изъ которой онъ пилъ чай, портфель съ письмами такъ часто перечитанными, и наконецъ кресла и игрушки Коли. Сундукъ былъ поставленъ въ глухой корридоръ примыкающій къ спальной. * Марья Михайловна говорила что оторвалось что-то отъ ея сердца когда всѣ эти сокровища были вынесены изъ ея комнаты, и долго не могла она смотрѣть хладнокровно на пустой уголъ гдѣ привыкла видѣть маленькій дѣтскій стулъ обитый краснымъ сукномъ. Но разстаться съ креслами мужа она не рѣшилась. Точно также оставила она при себѣ два миніатюрные портрета изображающіе его и сына. Но написанный масляными красками портретъ Александра Алексѣевича она пожертвовала въ трапезу.

Кромѣ этого грустнаго эпизода ничто не ознаменовало ея игуменства, и ничто не перемѣнилось въ ея жизни, ни въ отношеніяхъ ея къ братіи. Она не позаботилась даже о томъ чтобы заказать себѣ игуменское мѣсто, и во время службы сидѣла попрежнему на маленькой скамеечкѣ около печки. Не мало оскорблялись этимъ сестры.

„Ужь очень намъ обидно было, разказывала мнѣ одна изъ нихъ, и стали мы къ ней приставать. Помилуйте, говоримъ, матушка, чѣмъ же мы хуже другихъ? Вездѣ игуменьѣ почетъ дѣлаютъ и вездѣ у нея мѣсто въ церкви, а у насъ его нѣтъ. Кто войдетъ и не узнаетъ что вы у насъ игуменья; на простой скамеечкѣ сидите: ничѣмъ отъ насъ не отличаетесь.

„Разсмѣется она бывало и скажетъ: „Не нужно мнѣ никакого отличія; отступитесь отъ меня, глупыя“, и прогонитъ насъ.

„А ужь какъ она воспреемницей была нынѣшней царицы, да вернулась изъ Петербурга, такъ мы ей просто прохода не дали. Не было дня чтобы мы къ ней съ этимъ не хаживали. „Матушка, говоримъ, за что жь намъ такой срамъ? Вѣдь не похоже что вы воспреемницы царицы, а точно вы подъ началомъ что у васъ мѣсто отнято.“

„Такъ мы ей надоѣли что ужь разъ она разсердилась: „Видно, говоритъ, вашей дури мнѣ не переспорить; чтобы только отъ васъ отвязаться, закажу кресло.“

---

* Послѣ кончины игуменьи эти вещи были перенесены обратно въ ея комнату.

„Какъ привезли его да поставили въ церковь, мы въ такой радости были! И матушка пришла: „Ну что̀, говоритъ, довольны вы теперь?“ да вдругъ заглянула въ уголокъ гдѣ всегда сиживала и спрашиваетъ:

„— А гдѣ жь моя скамеечка?

„Мы говоримъ: „Въ олтарь ее убрали, матушка, ужь она теперь не нужна.“

„А матушка говоритъ:

„— Съ чего вы это взяли? Потѣшила я васъ, заказала кресло, вы на него и любуйтесь, а я буду попрежнему въ своемъ уголкѣ сидѣть: мнѣ тамъ молиться удобнѣе.

„Такъ въ уголкѣ и сидѣла. Ужь развѣ въ праздникъ иногда у насъ наѣзжіе бываютъ, такъ она насъ потѣшить захочетъ и станетъ на игуменское мѣсто.“

XXIII.

Мнѣ пришлось слышать о матери Маріи трогательный разказъ одного изъ французскихъ негоціантовъ, поселившихся въ Москвѣ. Мы назовемъ его господиномъ Д***. У него была сестра лѣтъ восемнадцати. Умственныя ея способности, вслѣдствіе несчастнаго случая приключившагося съ нею въ дѣтствѣ, сильно пострадали. Она была нрава кроткаго, но ею овладѣвали порой самыя странныя фантазіи; переспорить ее пока она находилась подъ ихъ вліяніемъ было невозможно и семейство приходило въ отчаяніе. Переходя отъ прихоти къ другой, молодая дѣвушка объявила что желаетъ поселиться въ монастырь. Она молилась и была набожна по-своему, но различіе вѣроисповѣданій не существовало для нея, и господинъ Д***, на основаніи того что̀ слышалъ о бородинской игуменьѣ, обратился къ ней письменно. Онъ не скрылъ отъ нея положенія своей сестры, просилъ Марью Михайловну принять ее подъ свое покровительство и прибавилъ что семейству было бы очень грустно еслибы Розина (такъ ее звали), благодаря постороннему вліянію, была отдалена отъ католической церкви. „Овладѣть бѣдною дѣвочкой не трудно, писалъ онъ, но мы надѣемся на васъ.“

Черезъ нѣсколько дней игуменья пріѣхала въ Москву и явилась въ магазинъ Д***. Она хотѣла убѣдиться что Розина поѣдетъ съ ней добровольно.

„Марья Михайловна очаровала насъ съ перваго взгляда, говорилъ мой разкащикъ.—Было что-то особенно привлекательное въ ея мягкомъ голосѣ, въ ея быстрыхъ, необдуманныхъ движеніяхъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ сестрой, она обернулась ко мнѣ и сказала:

„— Дѣло сдѣлано. Въ пять часовъ я заѣду за ней. Будьте покойны, я не обману вашего довѣрія.

„Я навѣщалъ нѣсколько разъ Розину пока она жила въ Бородинѣ. Что̀ бы ни сдѣлала бѣдная дѣвочка, обвинять ее было несправедливо, однако я зналъ какъ трудно съ ней ужиться, и не безъ тайнаго страха поѣхалъ къ ней въ первый разъ. Но я скоро убѣдился до какой степени все что̀ страдало имѣло право на участіе и расположеніе Марьи Михайловны. Розина жила у нея какъ у матери: игуменья несмотря на свою вспыльчивость переносила съ неутомимымъ терпѣніемъ всѣ ея капризы и старалась привязать ее къ себѣ постоянною лаской и постоянною заботливостью.

„Прошло два года. Отецъ мой скончался и Розина пожелала возвратиться въ семейство: я поѣхалъ за ней.

„Никогда не забуду я этого послѣдняго свиданія съ Марьей Михайловной. Она приняла меня въ своихъ кельяхъ, угостила завтракомъ и совершенно незамѣтно для меня прошли два часа въ бесѣдѣ съ нею. Но ударили въ колоколъ и она встала.

„— Вы можете, сказала она,—оставаться здѣсь одни или идти въ комнаты приготовленныя для васъ, а мнѣ пора къ вечернѣ.

„Я отвѣчалъ что желаю также выслушать вечерню и замѣтивъ что Марья Михайловна посмотрѣла на меня съ удивленіемъ прибавилъ:

„— Я католикъ и не отрекусь отъ вѣры моихъ отцовъ, но я христіанинъ и могу молиться тамъ гдѣ молятся христіанскому Богу.

„Сознаніе что я нахожусь на Бородинскомъ полѣ, гдѣ погибло столько моихъ соотечественниковъ, эта церковь воздвигнутая на ихъ костяхъ, недавняя кончина отца и наконецъ великолѣпіе духовнаго хора, все располагало меня къ молитвѣ. Мнѣ захотѣлось принести хоть самое ничтожное пожертвованіе въ этотъ храмъ и по окончаніи службы я подошелъ къ бюро у котораго происходила свѣчная продажа, высыпалъ на него деньги бывшія у меня въ кошелькѣ и взялъ двѣ свѣчи чтобы поставить ихъ въ подсвѣчникъ стоявшій около меня.

„Вдругъ Марья Михайловна сидѣвшая въ другомъ углу церкви поднялась съ своего мѣста. Вставая она уронила свой посохъ, но перешагнула черезъ него, быстро подошла ко мнѣ, взяла обѣими руками мою голову, поцѣловала меня въ лобъ и воскликнула:

„— Vous êtes un brave cocur et les prières d'une vieille femme vous porteront bonheur! *

„— Les prières d'une sainte femme, ** отвѣчалъ я и опустился предъ нею на колѣни. Она перекрестила меня и я принялъ ея благословеніе съ глубокимъ чувствомъ благодарности и преданности.

„Давно уже нѣтъ ея на свѣтѣ, заключилъ господинъ Д***, но кто ее зналъ хотя немного, тотъ не забудетъ ея. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я ѣздилъ въ Бородино и поклонился ея могилѣ."

XXIV.

Болѣе тридцати лѣтъ жили вмѣстѣ Марья Михайловна и мадамъ Бувье, которая была нѣсколькими годами старше ея. Несмотря на различіе ихъ воспитаній, столько нитей связывали обѣихъ женщинъ что онѣ давно сдѣлались необходимымъ элементомъ въ жизни одна другой. Однако частыя ссоры возникали между ними. Мадамъ Бувье, принявъ на себя всѣ хозяйственныя и финансовыя распоряженія въ домѣ, постоянно ворчала когда Марья Михайловна раздавала послѣднюю провизію или послѣднія деньги, и случалось что игуменья во избѣжаніе междуусобицы уносила тайкомъ ключи отъ шкапа гдѣ хранилась разная крупа или чай и сахаръ и отсылала сколько ей было нужно для просящихъ. Мадамъ Бувье догадывалась смутно о преступномъ похищеніи съѣстной провизіи, однако не останавливалась на предположеніи до такой степени обидномъ для чести Марьи Михайловны, но неожиданный случай обнаружилъ истину.

Монахиня, къ которой пріѣхали родственники, обратилась къ игуменьѣ съ просьбою дать ей немного сахара.

— Чай у меня есть, говорила она,—а сахару ни куска.

---

* У васъ честное сердце, и молитвы старухи о васъ будутъ услышаны.

** Молитвы святой.

Марья Михайловна велѣла ей подождать въ спальнѣ и вошла въ столовую гдѣ слышала голосъ мадамъ Бувье. Но обратиться къ ней было не легко: она уже нѣсколько дней была сильно смущена и безденежьемъ и недостаткомъ провіанта, а въ настоящую минуту казалась особенно не въ духѣ.

— Ахъ! прости *мине*, говорила она стоявшей у дверей кухаркѣ, которой заказывала обѣдъ,—*я не знать ти большой баринъ!*

По уходѣ *большой барыни*, Марья Михайловна освѣдомилась о томъ что̀ будетъ сегодня за обѣдомъ. Обѣдъ пришелся ей не по вкусу: она просила его перемѣнить, и только что мадамъ Бувье ушла на кухню, принялась искать ключъ отъ сахарницы. Найдя его, она быстро вынула нѣсколько кусковъ сахара и положила ихъ на столъ. Но вдругъ послышались за дверьми шаги мадамъ Бувье и кухарки, которая возвращалась за провизіей. Марья Михайловна поторопилась заперетъ сахарницу и выдергивая ключъ изъ замка зацѣпила своимъ длиннымъ рукавомъ сахаръ, который посыпался къ ея ногамъ. Въ эту минуту мадамъ Бувье показалась на порогѣ:

— Ахъ! какъ *карошо!* воскликнула она въ припадкѣ неподдѣльнаго негодованія,—*Маргаритъ Миколавна воровать!*

Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ: игуменья подобрала поспѣшно сахаръ, отнесла его монахинѣ, потомъ съ надеждою задобрить разгнѣванную мадамъ Бувье возвратилась въ столовую и начала примирительную рѣчь обычнымъ вступленіемъ:

— Allons donc, madame Bouviers, peut-on se fâcher pour des bagatelles semblables? *

И выслушала обычный отвѣтъ:

— Oh! Madame est bien libre de disposer de son bien, mais si nous allons de ce train là il ne nous restera bientôt plus que la besace. **

На этотъ разъ не безъ труда была заключена мировая.

Лишь безграничная ея привязанность къ Марьѣ Михайловнѣ могла принудить старушку отказаться отъ латинской обѣдни и жить среди братіи русскаго монастыря. Въ рим-

* Ну что̀, мадамъ Бувье, возможно ли сердиться за подобные пустяки?

** О! вы въ полномъ правѣ располагать вашимъ добромъ, но если мы будемъ идти этимъ путемъ у насъ скоро ничего не останется кромѣ сумы.

ской церкви она видѣла единственный источникъ истины и свѣта и старалась убѣдить каждаго и даже митрополита московскаго,—когда онъ навѣщалъ игуменью,—въ непогрѣшимости папы. Митрополита очень забавляли ея краснорѣчивыя рѣчи, и Марья Михайловна переводила проповѣдницѣ его отвѣты данные по-русски. Усердная католичка не смущалась неудачею своихъ попытокъ и послѣ отъѣзда Филарета говорила обыкновенно:

— Je ne l'ai pas convaincu, mais nous en reparlerons encore. *

Несмотря на ея ворчливость, всѣ любили мадамъ Бувье за ея честный и открытый нравъ и привыкли видѣть ея круглую, приземистую фигурку снующую по тропинкамъ монастырскаго двора. Она была необходимою принадлежностію обители возникшей на ея глазахъ. твердо знала всѣ ея хроники, и часто сестры слушали, утирая слезы, полурусскіе разсказы старушки о томъ какъ семилѣтній Коля отыскивалъ кости своего отца около полудостроенной церкви и игралъ пулями набранными у подножія батареи.

Разъ прибѣжала раннимъ утромъ къ Марьѣ Михайловнѣ испуганная монахиня, съ извѣстіемъ что мадамъ Бувье очень занемогла. Игуменья поспѣшила къ ней, а между тѣмъ послала за докторомъ, который прописалъ лѣкарство, но не скрылъ что надежды на выздоровленіе очень слабы. Сама больная чувствовала приближеніе смерти и спросила нельзя ли выписать изъ Москвы католическаго священника. За нимъ поскакали немедленно, но въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ и пришлось его ждать цѣлыхъ двое сутокъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ къ великой радости доброй Француженки, которая поторопилась исповѣдаться и пріобщиться. Онъ долго съ ней бесѣдовалъ и старался ее приготовить къ тяжкому переходу отъ жизни къ смерти. Послѣ его отъѣзда она сказала слабымъ голосомъ:

— Maintenant je suis tranquille. **

Марья Михайловна нагнулась къ ней, и умирающая обвила ея шею своими блѣдными руками. Обѣ женщины плакали молча. Наконецъ старушка промолвила опять:

---

* Я его не убѣдила, но мы еще потолкуемъ.

** Теперь я покойна.

— N'oubliez pas que mes mille roubles sont pour l'huile de la lampe... là, près de sa tombe. *

На другой день Марья Михайловна молилась около тѣла вѣрной своей подруги наряженной въ праздничное платье, между тѣмъ какъ рыли могилу около тополей посаженныхъ Колей.

XXV.

Видъ этой свѣжей могилы наполнялъ тоской сердце Марьи Михайловны. Въ доброй старушкѣ посвятившей ей свою жизнь она любила не одно только преданное сердце, но и живое воспоминаніе всего что̀ ей было дорого, и новая утрата разшевелила въ ея душѣ все былое горе. Приняться немедленно за занятія она не могла, однако дневныя событія отрывали ее насильственно отъ тяжкихъ думъ. Но съ наступленіемъ ночи самые грустные образы преслѣдовали ее, и она потеряла совершенно сонъ. Монахини придумали приходить къ ней на ночь и вести между собою бесѣду, которая развлекла бы ее немного. Марья Михайловна согласилась на ихъ предложеніе, и лишь только она ложилась въ постель по окончаніи своей вечерней молитвы сестры, въ числѣ трехъ или четырехъ, являлись съ своими работами, садились на полъ у полуотворенной двери спальной, болтали все что̀ имъ приходило на умъ, и игуменья засыпала наконецъ подъ звукъ ихъ говора.

Всѣ отъ мала до велика старались болѣе чѣмъ когда-нибудь выразить ей свою привязанность, и Маргарита Михайловна, несмотря на то что̀ погибло для нея безвозвратно въ жизни сознавала что она не одинока, что самая искренняя любовь окружаетъ ее. Приведемъ здѣсь два случая которые обнаружили вполнѣ чувства монахинь къ игуменьи.

Разъ, во время одного изъ ея путешествій въ Москву, экипажъ ея былъ опрокинутъ, и она сломала лѣвую руку. Это происшествіе могло дойти въ преувеличенномъ видѣ до обители и Марья Михайловна пріѣхавши въ Москву приказала немедленно своей келейницѣ извѣстить сестеръ о случившемся и успокоить ихъ насколько возможно. Несмотря на

* Не забудьте что мои тысячу рублей на масло для лампады... тамъ, около его могилы.

свои страданія она прибавила сама къ письму нѣсколько строкъ, гдѣ увѣщевала своихъ „птенцовъ“ не слишкомъ горевать, и говорила между прочимъ: „надѣюсь что скоро возвращусь къ вамъ съ кривою рукой, но съ прямымъ сердцемъ“.

Какъ скоро разнеслось по монастырю извѣстіе что „матушка“ сломала руку, всѣ работы были мгновенно покинуты, монахини сбѣжались расплаканныя къ казначеѣ и объявили ей что идутъ въ Москву. Казначея старалась напрасно отговорить ихъ отъ этого намѣренія. Онѣ настаивали и на всѣ ея увѣщанія отвѣчали что никто ихъ не остановитъ, и что онѣ уйдутъ сегодня же. Наконецъ она имъ сказала:

— Матушка уѣзжая приказала мнѣ монастырь, а вы меня не слушаетесь, такъ дѣлайте какъ хотите. По ей необходимъ теперь покой; а если ее слишкомъ огорчитъ и разстроитъ ваше своеволіе, берите это на свою совѣсть.

На что̀ ни согласились бы монахини изъ страха разстроить и огорчить „матушку“? Онѣ отказались отъ задуманнаго плана и обѣщали не выходить изъ должнаго повиновенія. Священникъ былъ приглашенъ отслужить заздравный молебенъ и каждая изъ сестеръ дала обѣтъ класть ежедневно, до возвращенія Марьи Михайловны, по двѣнадцати земныхъ поклоновъ.

Въ другой разъ она поѣхала Рождественскимъ постомъ въ Москву навѣстить больнаго брата, у котораго гостила болѣе нежели предполагала, и написала монахинямъ что возвратится непремѣнно къ празднику.

„Ужъ мы давно о ней тосковали, разказывала мнѣ одна изъ нихъ, и словно ожили когда пришло ея письмо. Съ самаго утра ждали мы ее въ сочельникъ. Даже изъ церкви то та то другая побѣжитъ на батарейку,—вѣдь оттуда дорога видна: цѣлый день ее стерегли. Иная старушка вдругъ со слѣпа крикнетъ: „матушка ѣдетъ!“ Мы всѣ бросимся посмотрѣть: глядь! чужой экипажъ, либо возъ съ кладью. Тутъ ужь вечеръ подошелъ и къ заутренѣ ударили, а мы идемъ въ церковь и всѣ пріуныли: праздникъ намъ не въ праздникъ.

Какъ запѣли: „Слава въ вышнихъ Богу“,—и я тоже на клиросѣ пѣла,—вдругъ матушка въ двери. Остановились мы, разинули рты и смотримъ на нее, а она погрозила намъ чтобы мы какъ должно стояли, а сама пошла на свое мѣстечко. Ужь кое-какъ мы заутреню допѣли, и лишь кончили, бросились къ матушкѣ, словно съ ума отъ радости сошли. Другъ дружку толкаемъ: которую она не успѣла поцѣловать, та кричитъ: „а

меня-то, матушка!“ кто ручки ея ловать; а кто на полъ припадетъ и ножки обнимаетъ. А она, родная наша, смѣется, а у самой слезы такъ и текутъ. „Вы меня, говоритъ, на части разорвете: успокойтесь, глупыя, вѣдь ужь я теперь отъ васъ не уѣду.“

XXVI.

Читатель не составилъ бы себѣ полнаго понятія о жизни Бородинскихъ отшельницъ еслибы мы не сказали нѣсколько словъ о распряхъ возникавшихъ иногда между игуменьею и сестрами. Эти распри были неизбѣжны при вспыльчивости Марьи Михайловны и разнообразіи окружавшихъ ее лицъ, но онѣ носили свой особенный, чисто семейный характеръ, не оставляли ни въ комъ задней мысли или затаенной злобы, и монахини говорятъ до сихъ поръ о нихъ съ чувствомъ которое овладѣваетъ нами при воспоминаніи о погибшихъ дняхъ дорогаго прошлаго.

Не надо забыть что между сестрами были женщины совершенно не развитыя, и въ минуту раздраженія онѣ не отличались отборными выраженіями. Вспыхнетъ, бывало, Марья Михайловна отъ дерзкаго слова и возвыситъ въ свою очередь голосъ. Но дерзкое слово повторится, и выведенная наконецъ изъ терпѣнья она схватитъ за плечи виновную и толкнетъ ее вонъ изъ дверей. Потомъ она примется ходить взадъ и впередъ по кельѣ, закинувши руки за спину, что̀ означало въ ней сильное волненіе. Но скоро гнѣвъ ея остывалъ, и она приказывала позвать провинившуюся сестру.

„Ты мнѣ нагрубила, говорила она ей, развѣ не грѣшно грубить матери? А не мать я вамъ, такъ лучше мнѣ отъ васъ уѣхать: я не хочу жить между чужихъ.“

Такихъ словъ монахини не могли слышать безъ слезъ, а слезъ Марья Михайловна не могла видѣть хладнокровно.

„И себѣ горя надѣлала, глупая, и меня въ грѣхъ ввела, начинала она опять обнимая ее; да полно: не плачь... Развѣ мнѣ легко когда вы плачете?... Полно же: ты виновата, да и я не права предъ тобою.“

И за семейною ссорой слѣдовала семейная мировая.

Марья Михайловна дожидалась всегда съ нетерпѣніемъ весны. Въ одно апрѣльское утро она увидала съ радостнымъ чувствомъ что снѣгъ растаявшій почти совершенно отъ ноч-

наго дождя сошелъ окончательно подъ лучами теплаго солнца, и послала свою келейницу сказать монахинямъ чтобъ онѣ разчистили немедленно монастырскій дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ она заглянула въ окно: никого не было на дворѣ.

— Что̀ жь онѣ не идутъ, Серафима? спросила она.

— Я имъ сказывала,матушка: говорятъ что сейчасъ придутъ.

— Поди опять.

Прошло еще полчаса: игуменья начинала терять всякое терпѣнье. Келейница побѣжала опять собирать монахинь и возвратилась съ отвѣтомъ что онѣ придутъ когда уберутся, но теперь имъ недосугъ.

— А! имъ недосугъ! воскликнула Марья Михайловна,—видно я одна сижу руки сложа! Такъ я же сама вымету дворъ.

Она быстро вышла изъ своей келейки, схватила метлу и принялась за работу со всею неловкостью новичка. Между тѣмъ келейница бросилась къ монахинямъ и объявила имъ что „матушка дворъ мететъ".

Сестры пришли въ ужасъ и сбѣжались со всѣхъ сторонъ.

— Помилуйте, матушка, говорили онѣ,—что̀ жь это вы сами?... Мы виноваты, матушка, простите насъ, ради Бога.

Она не отвѣчала, и метла двигалась быстро, но довольно безплодно подъ ея руками.

— Матушка, продолжали монахини плачевными голосами,— вѣдь это вы насъ срамите... ужь вы лучше чѣмъ другимъ извольте насъ наказать за нашу глупость.

— Такъ-то вы меня любите, заговорила вдругъ Марья Михайловна,—такъ-то вы меня бережете на старости лѣтъ?... Подите, Богъ съ вами... вы мнѣ не нужны.

И она продолжала махать вправо и влѣво метлою зацѣпляя ею то за кустъ то за дерево, но черезъ нѣсколько минутъ разсмѣялась, и бросила ее на дорожку.

Случалось, хотя весьма рѣдко, что она наказывала монахинь: иныхъ ставила на поклоны, другимъ придумывала наказанія сообразныя съ виною и обстоятельствами. Разъ одна изъ сестеръ ушла въ лѣсъ за орѣхами не спросивши ея позволенія и отвѣчала дерзко когда игуменья побранила ее.

— А! ты выдумала еще грубить! воскликнула Марья Михайловна:—такъ знай же что въ продолженіе всего лѣта ты въ лѣсъ не пойдешь.

На этотъ разъ она выдержала роль начальницы. Но когда сестры уходили толпою за орѣхами или ягодами она говорила своей келейницѣ:

— Такъ мнѣ жаль бѣдную Дороѳею! только простить ее не могу: она мнѣ при всѣхъ нагрубила. Какой же примѣръ другимъ? А ты возьми чаю и сахару и отнеси ей, будто отъ себя. Сохрани тебя Богъ сказать что я ей послала.

Но Марья Михайловна знала что всѣ эти женщины, не исключая и тѣхъ которыя забывались иногда предъ нею, горячо ее любятъ и усердно молятся за нее, и тепло было у нея на сердцѣ.

XXVII.

Она уже давно, по слабости здоровья, должна была отказаться отъ общей трапезы; однако, по праздничнымъ днямъ обѣдала съ сестрами, къ великой ихъ радости. Въ трапезной залѣ, гдѣ она садилась хозяйкою дома и матерью семейства, можно видѣть и теперь написанный масляными красками портретъ покойной игуменьи. Наморщенныя ея черты поражаютъ необыкновенною худобой; развивающаяся водяная, которая свела ее въ могилу, придала глазамъ стеклянный оттѣнокъ; цвѣтъ лица безжизненный. Одна рука держитъ посохъ, съ другой ниспадаютъ четки. На той же стѣнѣ поясной портретъ Александра Алексѣевича, который напоминаетъ своею красотой героевъ романовъ его времени. Шинель наброшена на мундирный сюртукъ, Георгіевскій крестъ блеститъ въ петлицѣ, золотистые волосы оттѣняютъ открытый лобъ, задумчиво склонилась на руку голова, и грустная дума свѣтится въ карихъ глазахъ.

У входа трапезы написаны крупными буквами по приказанію Маріи Михайловны два стиха изъ Апостола. Въ ихъ выборѣ рѣзко высказывается ея характеръ:

„Души ваши очистивши въ послушаніи истины духомъ, въ братолюбіи нелицемѣрно, отъ чиста сердца другъ друга любите прилежно."

„И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже жещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть."

Зимнія кельи Марьи Михайловны состояли изъ трехъ комнатъ выходящихъ въ корридоръ: столовая, маленькая спальня, и небольшая гостинная или *красная комната*, такъ называемая потому что около стѣнъ стояли диваны обтянутые красною шерстяною матеріей *. Сюда собирались поочередно послѣ

* Эту комнату думаютъ превратить въ библіотеку.

вечернихъ правилъ около двадцати монахинь: бóльшаго числа посѣтителей красная комната вмѣстить не могла. Старшимъ уступали диваны и кресла, а для младшихъ былъ разостланъ на полу коверъ, и онѣ оспаривали другъ у дружки право сидѣть „около матушкиныхъ ногъ“. Иногда одна изъ сестеръ читала вслухъ книгу духовнаго содержанія, и чтеніе было часто прерываемо замѣчаніями или вопросами, на которые возражала игуменья. Но когда посѣтительницы казались мало расположены къ духовнымъ преніямъ, завязывался разговоръ, иногда веселый, иногда болѣе или менѣе серіозный. Марія Михайловна любила эти бесѣды, которыя сближали сестеръ и другъ съ другомъ и съ ней, и гдѣ каждая говорила не стѣсняясь все что̀ ей приходило на умъ. Одна разказывала сонъ приснившійся ей, другая содержаніе письма полученнаго изъ дома. Всѣ работали болтая; игуменья вязала шелковый шнурочекъ предназначенный для образковъ которыми одѣляла бородинскихъ посѣтителей. Она увлекалась иногда собственными воспоминаніями и разказывала какое-нибудь событіе изъ своей жизни. Тогда водворялась въ комнатѣ ненарушимая тишина, замедлялись въ рукахъ спицы и иглы, работницы опускали, наконецъ, на колѣни шитье и вязанье и слушали съ возрастающимъ вниманіемъ.

Вдругъ показывалось въ дверяхъ доброе, смугловатое лицо монахини, которой было поручено хозяйство послѣ кончины мадамъ Бувье. Всѣ звали ее въ монастырѣ: „Маша одесская“. Она приносила моченыхъ яблоковъ или пряниковъ, или наконецъ, за неимѣніемъ другаго угощенія, нарѣзанные ломти бѣлаго хлѣба. И при этомъ незатѣйливомъ угощеніи скоро проходили долгіе зимніе вечера въ маленькой келейкѣ скромно освѣщенной двумя стеариновыми свѣчами, и много сладкихъ впечатлѣній оставили въ памяти сестеръ эти семейныя бесѣды.

XXVIII.

Протекло четверть вѣка съ тѣхъ поръ какъ Марія Михайловна поселилась на Бородинскомъ полѣ. Время и жизнь не пощадили ея. Она сильно сгорбилась, посохъ сталъ необходимою для нея опорой, и медленная походка изобличала усталость и страданіе. Лишь въ минуты душевнаго волненія, въ ослабѣвшемъ голосѣ звучали прежнія струны, потухшій взоръ заго-

рался огнемъ, и порывистыя движенія обнаруживали горячія чувства не вымиравшія въ ея сердцѣ. Ей минуло семьдесятъ два года, и въ ея груди развивалась водяная.

Но Марія Михайловна боролась до послѣдней минуты противъ старости и недуга; она продолжала вести дѣятельную переписку, занималась неусыпно монастырскими дѣлами и оказывала ту же зоботливость своимъ духовнымъ дочерямъ. Разъ, — это было въ холодный зимній вечеръ,—ей доложили что одна изъ монахинь очень занемогла и пришла въ такой испугъ что попросила немедленно священника. Марія Михайловна сильно страдала сама, но объявила однако что пойдетъ къ больной. Сестры упрашивали ее поберечь себя и не выходить изъ теплой кельи, прибавляя что на дворѣ подымается метель.

— Или вы совсѣмъ съ ума сошли! отвѣчала игуменья;—бѣдная Поликсена можетъ-быть въ опасности, а я не утѣшу ее ласковымъ словомъ и не помолюсь съ нею, потому что на дворѣ метель!

Она поднялась черезъ силу съ креселъ, потребовала теплыя одежды, и ее повели подъ руки черезъ монастырскій дворъ, освѣщая по возможности дорогу фонаремъ. Ея появленіе сильно обрадовало больную, которая привстала на постели и цѣловала ея руки. Марія Михайловна благословила ее, ободрила своею кроткою рѣчью, дождалась священника, который пришелъ съ Дарами, читала молитвы во время пріобщенія Святыхъ Таинъ, и ушла къ себѣ лишь когда убѣдилась что Поликсена совершенно успокоилась.

Къ прежнимъ ея заботамъ прибавилась новая: братія умножилась до двухсотъ человѣкъ и церкви были слишкомъ тѣсны чтобы вмѣстить столько молящихся во время службы. Необходимо было соорудить новый храмъ: онъ былъ заложенъ въ 1851 году и посвященъ Владимірской Божіей Матери, какъ новый памятникъ Бородинской битвы. * Объ этомъ храмѣ игуменья давно уже мечтала. Въ продолженіе зимы она занималась приготовленіемъ матеріаловъ для постройки, сводила счеты, прикидывала смѣты, толковала съ подрядчиками, и хлопотала несмотря на постепенный упадокъ силъ. Она какъ бы желала чтобы не пропалъ единый

* Владимірскую празднуютъ 26го августа.

день изъ немногихъ которые ей суждено было провести еще на землѣ.

Опасность своего положенія игуменья сознавала вполнѣ и приняла всѣ мѣры чтобы смерть не застала ее врасплохъ. Она сожгла письма родныхъ и друзей и поручила одной изъ своихъ келейницъ, къ которой имѣла большое довѣріе, принести ей завѣтный портфель съ письмами Александра Алексѣевича и стихотвореніями посвященными Маргаритѣ Михайловнѣ Нарышкиной. Сжалось ли сердце въ старческой груди при видѣ этихъ листковъ которые говорили ей о давно погибшей молодости, о счастіи, о любви? Дрогнула ли наморщенная рука бросая ихъ въ огонь? Объ этомъ никто не знаетъ.

Ей хотѣлось также поклониться въ послѣдній разъ мощамъ преподобнаго Сергія, къ которому питала особенное чувство уваженія и вѣры. Но подходилъ уже мартъ, тающій снѣгъ испортилъ совершенно дорогу и всѣ увѣряли что доѣхать до Лавры нѣтъ никакой возможности. Пришлось Марьѣ Михайловнѣ отложить свою поѣздку до лѣтняго пути. Она уступила лишь скрѣпя сердце необходимости: каждый день былъ ей дорогъ. Но въ одно утро она проснулась и приказала своей келейницѣ приготовить все къ отъѣзду. Ей приснилось въ эту ночь что она молится въ Троицкомъ соборѣ предъ мощами Сергія, и Радонежскій старецъ вдругъ приподнялся и простеръ къ ней благословляющую руку.

Она разказала свой сонъ и прибавила:

— Какъ ни плоха дорога, я увѣрена теперь что доѣду до Лавры.

И дѣйствительно она доѣхала до Лавры и сотворила свою послѣднюю молитву предъ ракой ея основателя.

— Не бывать уже мнѣ у Троицы, говорила она своимъ тамошнимъ знакомымъ;—я пріѣхала проститься съ ней.

На возвратномъ пути она остановилась въ Москвѣ и пригласила къ себѣ медика, съ которымъ была давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ счелъ долгомъ ей сказать что необходимо принять противъ ея болѣзни самыя энергическія мѣры и умолялъ не ѣздить далѣе, а предпринять послѣдовательное лѣченіе. Его совѣтъ она скрыла одинаково отъ родныхъ и отъ Бородинской братіи, но послѣдовала бы ему можетъ-быть еслибы не получила письма которое заставило ее ускорить свое возвращеніе въ обитель: ей писали что одна изъ сестеръ безнадежно больна, и Марья Михайловна пустилась немедленно въ путь.

XXIX.

Это путешествіе сокрушило окончательно ея силы. Больную, которую торопилась обрадовать своимъ пріѣздомъ, она не застала уже въ живыхъ, и начиналось отпѣваніе въ ту минуту когда двѣ келейницы ввели подъ руки въ церковь утомленную долгимъ путемъ игуменью.

— Какъ взглянули мы на нее, разказываютъ монахини,—намъ показалось что не матушка, а смерть ея вошла во храмъ. Еле передвигала она ноги, лицо опухло, ни кровинки въ немъ не было. Мы всѣ заплакали, а она подумала что мы плачемъ о покойницѣ.

Съ этой минуты болѣзнь пошла быстрымъ ходомъ, и съ каждымъ днемъ усиливалось безпокойство сестеръ. По требованію можайскаго медика былъ выписанъ изъ Москвы врачъ, съ которымъ пріѣхали также въ монастырь нѣсколько членовъ семейства Нарышкиныхъ. Игуменья осталась до конца вѣрна своему характеру; она скрывала по возможности свои страданія отъ родныхъ и отъ братіи, и старалась успокоить всѣхъ. Монахини толпились около нея постоянно, но докторъ просилъ чтобъ удалили ненужныя лица. Сильно опечалились этимъ бѣдныя сестры: каждой хотѣлось взглянуть хоть изрѣдка на „матушку“. Но больная угадывала ихъ горе и придумала чѣмъ ихъ утѣшить. Она переходила обыкновенно съ утра изъ своей спальной въ Красную Комнату, и садилась около запертой стеклянной двери ведущей въ „слушательную“, гдѣ сестры ожидали толпой ея появленія. Онѣ слѣдили изъ-за двери за ея дремотою и за каждымъ ея движеніемъ, съ болѣе или менѣе грустными лицами, смотря по перемѣнѣ какую замѣчали въ ней. Съ утра до ночи „слушательная“ не пустѣла.

Къ исходу поста Марья Михайловна впала въ такое изнеможеніе что не могла уже выходить изъ спальной, и келейницы читали ей поочередно молитвы и Евангеліе. Однако на Свѣтлое Воскресенье она вошла въ церковь съ помощью двухъ монахинь и пріобщилась. Всѣхъ сестеръ она была не въ силахъ принимать въ своей кельи, но потребовала къ себѣ старшихъ и христосовалась съ ними. Зная какъ грустно прочимъ встрѣтить безъ нея праздникъ и садиться какъ оси-

ротѣвшимъ дѣтамъ къ столу у котораго опустѣло мѣсто принадлежащее главѣ семейства, она послала по красному яйцу каждой изъ нихъ и велѣла имъ сказать что проситъ ихъ не унывать и что присутствуетъ мысленно при ихъ трапезѣ.

Однако внезапная перемѣна къ лучшему неожиданно обрадовала всѣхъ. Марья Михайловна какъ будто ожила съ появленіемъ апрѣльскаго солнца и все ожило около нея. Силы ея настолько возвратились что она принялась опять за занятія, и сестры стали приходить попрежнему въ ея келью, кто за приказаніемъ, кто за совѣтомъ, кто за утѣшительнымъ словомъ. Но прошло недѣли двѣ, и болѣзнь обнаружила также внезапно самый безнадежный характеръ. Игуменья поняла это первая и пожелала принять соборованье. Между тѣмъ какъ приготовляли все къ совершенію обряда она послала сказать испуганной братіи что „проситъ соборованья не потому что чувствуетъ себя въ опасности, а чтобы Господь исцѣлилъ ее ради ихъ“. На другой день она пріобщилась Святыхъ Даровъ и промолвила по окончаніи благодарственныхъ молитвъ:

— Теперь, я вполнѣ принадлежу Богу.

Но ее связывали еще съ землею святыя узы любви которой она согрѣвала весь окружающій ее міръ, и скоро повѣстили сестрамъ что „матушка“ желаетъ съ ними проститься.

Она сидѣла между двухъ оконъ своей маленькой спальной, въ креслахъ мужа, когда монахини стали входить къ ней по двѣ за разъ. Однѣ тихо плакали, другія превозмогали себя, и лишь только мертвенная блѣдность высказывала тайну ихъ горя. Онѣ становились молча предъ ней на колѣни, и она благословляла ихъ и говорила каждой задушевное слово на прощаніе. Внутреннее волненіе поддерживало ея нравственныя и физическія силы. Но когда послѣднія монахини, принявъ ея благословеніе, перешагнули черезъ порогъ комнаты, Марья Михайловна опустила на колѣни утомленную руку, проводила глазами удалявшихся сестеръ и заплакала.

XXX.

Съ этого дня все приняло въ обители безотрадный, могильный характеръ: ощущалось вездѣ приближеніе смерти. Работы были оставлены и мастерскія пусты. Сестры толпились

въ корридорѣ ожидая чтобы вышла изъ спальни келейница и сообщила имъ извѣстіе о „матушкѣ". Иныя налагали на себя обѣты, а въ церкви слѣдовали одинъ за другимъ заздравные молебны „о болящей Маріи".

А Марья Михайловна сидѣла день и ночь въ своихъ вольтеровскихъ креслахъ; иногда она дремала и находилась, по большей части, въ полусознательномъ состояніи. Но какъ скоро приходила она въ себя, то освѣдомлялась о братіи и просила чтобъ Антонія, келейница, которую горячо любила, читала ей вслухъ Евангеліе. *

Разъ показалось игуменьѣ что заспорили двѣ монахини говорившія шепотомъ въ углу ея комнаты:

— Помиритесь, поцѣлуйтесь, сказала она имъ.

— Матушка, мы не ссорились, отвѣчали онѣ.

— Для меня.... для меня.. . повторяла умоляющимъ голосомъ умирающая.

Онѣ поняли что она не ясно сознаетъ что̀ происходитъ около нея и поцѣловались чтобъ ее успокоить.

— Спасибо, спасибо, молвила она,—любите другъ друга: живите въ мирѣ.

За два дня до своей кончины она благословила образами бывшихъ при ней родственниковъ и поручила имъ передать отсутствующимъ членамъ семейства предсмертное свое прощаніе. Потомъ она выслала всѣхъ изъ своей комнаты за исключеніемъ монахини которую особенно любила.

— Исполни мою послѣднюю просьбу, сказала она ей;—когда меня не станетъ похлопочи о бѣдномъ чиновникѣ что̀ проситъ о своихъ дѣтяхъ.... ихъ надо пристроить. Да еще крестьянинъ хотѣлъ купить рекрутскую квитанцію для сына.... ему могутъ помочь въ Москвѣ. **

Насталъ роковой день. Поутру она пріобщилась, выпила чаю, потомъ заснула. Спокойное ея лицо и спокойный сонъ

---

* Антонія теперь игуменья въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

** Монахиня къ которой она обратилась съ этою просьбой была въ такомъ горѣ послѣ ея кончины что занемогла сильными нервными припадками. Во время болѣзни ее постоянно мучила мысль что послѣдняго желанья „матушки" она не успѣла еще исполнить. Оправившись немного она пріѣхала въ Москву и обратилась ко всѣмъ которые могли ей помочь: бѣдное семейство было пристроено и квитанція куплена.

обманули всѣхъ. Маша Одесская поторопилась сообщить добрую вѣсть монахинямъ стоявшимъ въ корридорѣ.

— Слава Богу, говорила она,—матушкѣ кажется легче: она выкушала чайку и почиваетъ. Шли бы вы обѣдать.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней никто почти не спалъ и не ѣлъ въ обители, и обрадованныя сестры пошли въ трапезу гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ.

Пробило три часа на монастырской колокольнѣ когда докторъ вошелъ къ Марьѣ Михайловнѣ, которая все еще спала опустивъ голову на грудь. Пощупавъ у нея пульсъ, онъ сѣлъ въ уголокъ около ея сестры, княгини Голицыной, которой шепнулъ что-то на ухо. Княгиня поблѣднѣла, но не отозвалась. Двѣ келейницы стояли у двери и не спускали глазъ съ „матушки“. Не слыхать было въ комнатѣ ни говора, ни шороха. Одни боялись прервать благотворный сонъ, другія боялись нарушить святыню смерти. Прошло около получаса: медикъ всталъ, подошелъ къ игуменьѣ, пощупалъ опять пульсъ, провелъ рукою по холодѣвшему лицу и промолвилъ вполголоса:

— Скончалась.

Княгиня Голицына бросилась, вся въ слезахъ, на шею Антоніи, которая оттолкнула ее, подбѣжала къ умершей, схватила ее за плечи и закричала:

— Матушка! матушка! что̀ съ вами?...

Но въ комнатѣ поднялась суматоха: докторъ отворилъ дверь и звалъ громко сестеръ.... Кто-то взялъ за руку Антонію и вывелъ ее въ корридоръ. *

XXXII.

Между тѣмъ монахини вышли съ повеселѣвшими лицами изъ трапезы. Однѣ поспѣшили взглянуть на покинутыя работы, другія усѣлись около самоваровъ или остановились небольшими группами на дворѣ и повѣряли другъ дружкѣ свои надежды: „можетъ и въ самомъ дѣлѣ Господь услышалъ ихъ грѣшныя молитвы и матушка поправится“.

Вдругъ зазвучалъ протяжно колоколъ, и всѣ вздрогнули словно ужаленныя. Двѣнадцать заунывныхъ ударовъ разлились по воздуху, и имъ въ отвѣтъ послышались рыданія со всѣхъ сторонъ обители.

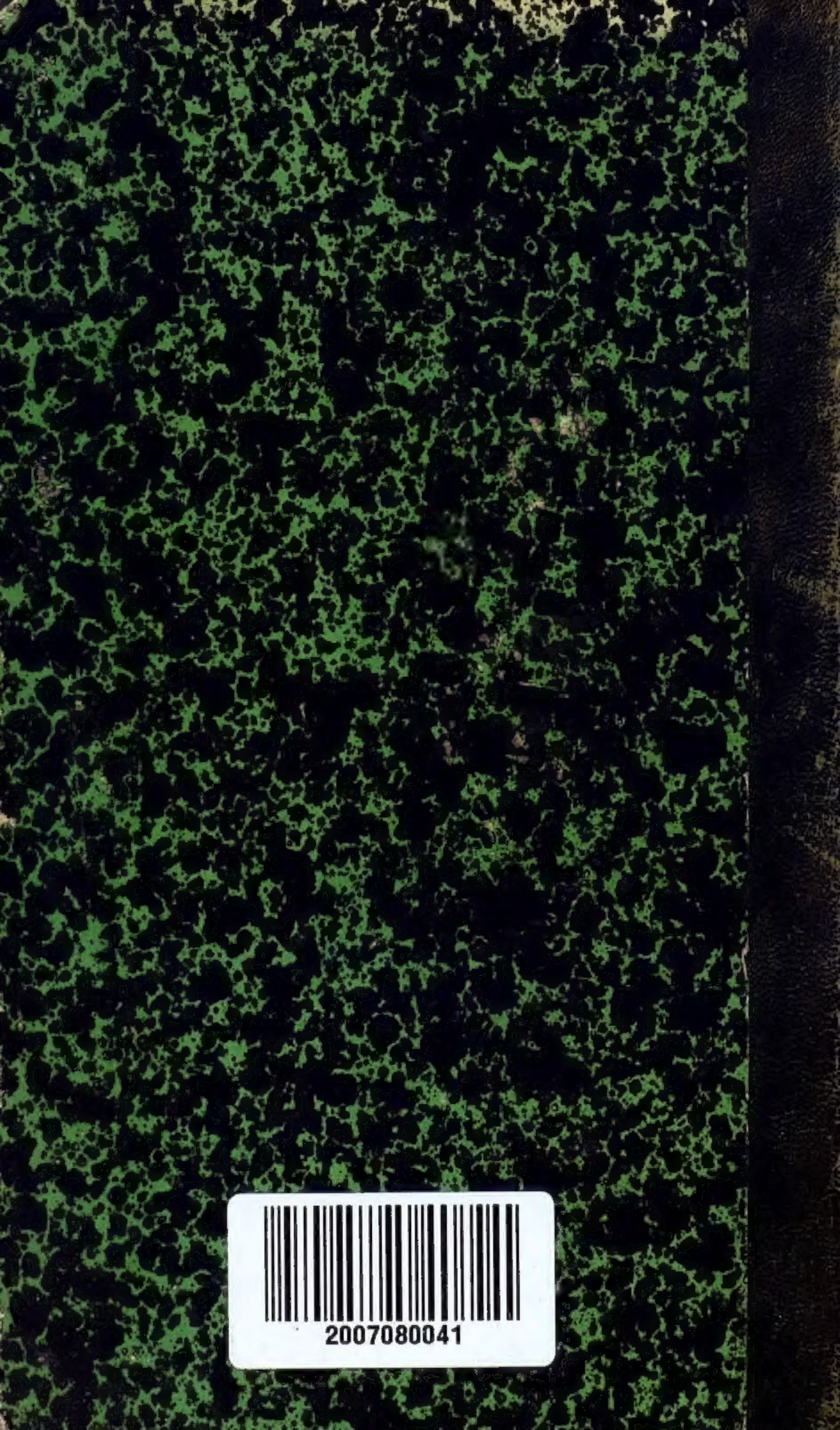
* Марья Михайловна скончалась 29го апрѣля 1852 года.

XXXII.

Шесть сутокъ простояло тѣло Маріи въ Филаретовской церкви. На монастырскомъ дворѣ толпились крестьяне пришедшіе изъ ближнихъ и отдаленныхъ селъ поклониться праху. Священники не успѣвали отправлять панихидъ, и на бюро гдѣ происходила свѣчная продажа сыпались мѣдныя деньги: каждый хотѣлъ поставить свѣчу предъ иконою за упокой „ея душеньки“. Въ Спасскомъ храмѣ были разобраны плиты надъ гробомъ Николая Тучкова, и около него вымѣрено мѣсто для другаго еще гроба.

Сестрамъ хотѣлось послужить въ послѣдній разъ „матушкѣ“ и уложить ее въ могилу подъ звуки стройнаго хора. Погребальную обѣдню онѣ пропѣли на славу, но когда отпѣваніе началось, задрожали голоса и повторились тѣ скорбныя сцены которыя случается видѣть на похоронахъ матери семейства. Со многими монахинями сдѣлалась дурнота, ихъ вынесли изъ церкви; вмѣсто клирнаго пѣнья раздался у гроба громкій плачъ, и священники одни довершили отпѣванье.

ЦѢНА 30 КОП. СЕР.

2007080041